

КЕЛЬТСКОЕ МОНАШЕСТВО

Уставы
древнеирландской
Церкви

Перевод Юрия Варзонины
Литературная обработка и комментарии
протоиерея Александра Шабанова

ТВЕРЬ
2016

УДК 271-9
ББК 86.37-3
К 33

К 33 **Кельтское монашество.** Уставы древнеирландской церкви / Пер. Ю.Н. Варзонины ; сост., лит. ред. и коммент. А.Ю. Шабанова ; [ред. О. А. Платоновой] ; [предисл. И.П. Петровского] . — Тверь, 2016. — 136 с.

УДК 271-9
ББК 86.37-3

© Шабанов А.Ю., составление, комментарии, 2016
© Варзонин Ю.Н., перевод на русский язык, 2016
© Петровский И.П., предисловие, 2016

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

...Премудрости пребудет,
Когда честно и чисто
На лист чернила лягут
Из ягод остролиста.

*Ирландский поэт XII века,
перевод Г. Кружкова*

Вдали от больших городов, поместий, вождей и кланов, торговых перекрёстков и шумных собраний создавались эти манускрипты. Во времена «золотого века» кельтского христианства Северо-Запада Европы, когда Церковь ещё не страдала от своего главного недуга: «обмирщения», пока она не начала «бронзоветь» в истории; в те столетия, когда, как говорил Алкуин, «труды священников, проповедующих Евангелие, оценивались выше, чем любые чудеса», – они начертывались в полумраке келий дальних островов, пещерах, под сенью зелёных ирландских рощ, в скромных обителях, где возростала уникальная духовная традиция кельтского монашества VII—XI вв.

Сегодня, читая эти «Уставы», мы понимали, что исследуем не просто документы исчезнувших церковных общин, во всех деталях и многообразии присущих им духовных практик, соотносящихся с особыми нормами права ирландского Средневековья и памятниками древней кельтской литературы.

Но более того: мы видели реальные истории людей, множество из которых было в разные годы прославлено в лике святых подвижников, открытых всему христианскому миру или оставшихся навеки в памяти как местночтимые преподобные.

Святые, как известно, не какие-то уникальные, из ряда вон выходящие личности, мудрецы или прорицатели, но наиболее человеческие из людей, исполненные Божьей благодати и силы. Так что их назидания, увещевания и положенные правила имеют особую нравственную, а не только историческую ценность. Не всё, к сожалению, удаётся различить или расслышать ввиду удалённости самого контекста создания манускриптов, но открывшееся достойно не только внимания, но порой – восхищения.

Лаконичность строгих предписаний и указаний практического характера определяют то, что всё созданное обращено было, прежде всего, к совести и воле монахов и не является каким-то схоластическим назиданием, этической сентенцией. Собственно, они обращены и шире, к Церкви, неразрывно связавшей свою жизнь с монастырями Ирландии. В некотором смысле мы шли путём У.Б. Йейтса, считавшего, что «от огромной свечи прошлого мы должны зажечь наши светильники».

Нам пришлось рискнуть стать дешифраторами, точнее, реконструкторами, в силу того, что переводчик и комментатор, как правило, свидетель фактов, которые обнаружены не им, но представлены авторами самих текстов. Факты необходимо разглядеть, что ещё полбеды, но далее их следует интерпретировать, на что иногда непросто и отважиться.

Кроме сугубо научного интереса, мы, находясь под очарованием «кельтского христианства», решали для себя (в который раз!) проблему нашего церковного многообразия в единстве веры во Христа Спасителя. Важным советчиком в этом

деле был приснопамятный протоиерей Александр Мень, писавший: «...Вселенское христианство подобно горе, опоясанной лесами, кустарниками и ледниками, которые вместе составляют её цельное одеяние. Нельзя ждать, что Свет Евангелия будет преломляться везде одинаково. Проходя сквозь толщу различных народов, он станет создавать всё новые и новые ландшафты духовности».

Кельтский мир создал свой уникальный «духовный ландшафт», и мы внимательно вглядывались в его многочисленные детали, стараясь не только сохранить сам оригинал текстов, но и деликатно сообщить свои «впечатления» от оригинала. Делали мы это, будучи убеждены в том, что само по себе знание истории Церкви, во всей её сложности, многообразии удивительных духовных подъёмов, печальных катастроф, проявления человеческой силы, немощи, радости или отчаяния, делает христиан более твёрдыми в их вере, исполненными надежды и милосердия. Если вдруг кто-то решится произнести суровый и нелюбезный суд над той или иной эпохой «исторического христианства», то такие знания уберегут его от поспешности и несправедливых слов.

Надеемся, что наша малая работа кого-то вдохновит, а кому-то поможет разглядеть через полусумрак столетий, тысячи морских миль жизнь и духовный опыт христиан кельтского мира, существовавших, как и мы, верую во Христа Спасителя, в милосердие и любовь Бога к нам.

Святые Северо-Запада, молитесь Бога о нас!

Протоиерей Александр Шабанов
Профессор Ю.Н. Варзони

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монашеские уставы Кельтской Церкви открывают перед нами одну из самых интересных страниц истории Западного христианства периода неразделенной Церкви (до 1054). К сожалению, на русский язык переведены и изданы весьма немногие документы, рассказывающие об этом времени. Проблема усугубляется еще и тем, что подобные тексты – настоящая источниковедческая редкость. История была строга к христианам, обитавшим на далеких окраинах Римской империи. Достоверных сведений совсем немного, и они требуют серьезного, критического анализа.

В эпоху Средневековья христианское наследие кельтов подвергалось сильному внешнему и внутреннему давлению, а в Новейшее время стало предметом бурной фантазии различных авторов. Джон Рональд Руэл Толкин, автор «Властелина колец» и других книг, основанных на кельтской мифологии, говорил: «Для многих, возможно для большинства людей «кельтское» любого сорта означает волшебный мешок, в который можно положить все, что угодно, и из которого почти все, что угодно, можно извлечь. В сказочном кельтском полумраке возможно всякое».

Следует выделить два основных фактора, повлиявших на судьбу Кельтской Церкви: продолжительные военные интервенции и внутренняя церковная реформа.

Часовня Галларус.
VII век.
Полуостров
Дингл, Ирландия

Нашествие иноплеменников было разрушительной силой, от которой страдали ирландские христиане. Остров подвергался регулярным набегам с IX по XVII век. Викинги, нормандское завоевание, Плантагенеты, карательные отряды Кромвеля наносили болезненные удары кельтским стенам. И хотя каждый последующий захватчик считал себя более цивилизованным, нежели предыдущие, масштаб разрушений, как ни странно, от этого только увеличивался. Практически в каждом кельтском монастыре были десятки убитых и сотни изгнанных. Сегодня по всей Ирландии можно встретить порушенные кресты, разбитые надгробья, руины древних аббатств – немых свидетелей трагедии.

Причиной заката кельтского христианства стали не только кровавые рейды. История многократно свидетельствует, что внешние гонения лишь укрепляют духовную стойкость Церкви. Кельтское христианство, пожалуй, выжило и под топором викингов, и под сапогом Кромвеля, но следующий фактор – внутренняя реформа – лишил ее этой возможности.

Церковные разногласия между «островом» и «континентом» подточили изнутри то, что не сокрушили внешние удары. С огромного континента на маленький остров проникала вся мощь и красота Римской церкви: уставы, каноны, пасхалия, иконопись, архитектура и даже римский тип монашеской тонзуры. Романизация кельтских христиан становится государственной и церковной политикой англосаксонских, нормандских и всех последующих монархов и епископов. Предписания соборов, ультиматумы королей и церковная пропаганда приводят к тому, что Кельтская Церковь неминуемо начинает меняться изнутри, адаптируясь на протяжении VII–XI вв. под общепринятые римские стандарты. Период с XI по XVII век был уже временем окончательного затухания образа Кельтской Церкви.

Первая попытка прервать «молчание руин» предпринимается в 1631 году протестантом Джеймсом Ашшером (James Ussher). В своем «Рассуждении о религии, исповедовавшейся ирландцами в древности» он объявляет древних кельтов первыми историческими протестантами. Реакция католических авторов последовала незамедлительно. В их книгах все факты, приведенные Ашшером, интерпретируются в выгодном для Рима свете. В результате этих аргументов и контраргументов завязался настолько сложный кельтский узел, что распутывать его сегодня вынужден каждый исследователь.

Во второй половине XX века к идейным построениям протестантских и католических ученых добавляются интерпретации и вовсе фантастического содержания. Культура Ньюэйдж (New age) окончательно обратила кельтское христианство в набор легенд и мифов. И хотя излишняя романтизация святых имела место и в былые времена – например, святого Маэлруайна (Máel Ruain) изображали в окружении птиц, цветов, корабликов, – с приходом «Нового века» celtic heritage окончательно превращается в «волшебный мешок».

Однако было бы неверным полагать, что причины заката кельтского христианства исключительно в кознях злой судьбы. Церковь в Ирландии, по преимуществу, была Церковью монастырей, и особенности формирования монастырской жизни в эпоху упадка Рима многое объясняют.

К концу VI века ирландские обитатели представляли собой крупные общественные центры, вокруг которых выстраивается вся культурная, ремесленная и сельскохозяйственная жизнь округов. Это важно отметить, учитывая тот факт, что в Ирландии не было городов. Вся жизнедеятельность острова покоилась на системе хуторов и мелких деревень. Поэтому первые ирландские монастыри стали чем-то вроде протогородов.

В древних ирландских текстах многие обитатели прямо называются «*civitas*», от латинского слова «город». Более того, игумены таких монастырей именуют себя не иначе, как «*principes*» – римский термин, применяемый к сенатору, проконсулу или даже к императору (отсюда слово «принц»).

Уникальный прецедент в истории Средневековья. В условиях волнений на континенте, в период Великого переселения народов, многие интеллектуальные элементы нашли свое убежище в ирландских обителях, удалённых от бурлящего европейского котла. На континенте к началу VI века привычная римская администрация, институт государственных советников и прочие госструктуры рухнули. В таких условиях фактическая монополия на знание и письменность делает ирландских аббатов незаменимыми советниками при дворах вождей как на острове, так и на континенте. Уинстон Черчилль отмечает: «Естественно и неизбежно образованные монахи занимали место римских магистратов, чью одежду они переняли и носят поныне (*в виде подрясника*. – *А.Ш.*). Торжествующее варварство незаметно уступило свои позиции церковной структуре» (У. Черчилль. Рождение Британии. – Изд.: «Русич». – 2010. – С. 102).

Ирландские аббаты прекрасно были осведомлены о том, что происходило в Европе. Собирая в своих обителях остатки античной культуры, усваивая монастырю имя римского полиса, прилагая к себе титул римских магистратов и превращая мантии консулов в церковный подрясник, они фактически создают виртуальную копию Римской империи. По этой причине они сыграют ключевую роль в VIII–IX вв., когда Каролинги начнут «восстанавливать» Римскую империю, собирая античное наследие буквально по крупицам. (См.: Петровский И. Роль ирландского монашества в *Renovatio Imperii Romanorum*

(восстановлении Римской империи) эпохи Карла Великого // портал Богослов.ру, статья от 11.08.08.)

С одной стороны, такое положение вещей позволяло кельтскому монастырю наращивать свой духовный потенциал, влиять на политический климат, организовывать миссии, поддерживать высокий уровень образования. К началу VII века немало королевских отпрысков с континента отправляются учиться в ирландские монастырские школы, известные на всю Европу своим благонравием и образованностью. С другой стороны, аббаты ирландских монастырей, усвоив себе титул *princeps* и руководя крупными, по меркам своего времени, производственными и финансовыми центрами, начинают соперничать с «*flaith*» – местными королями и вождями. Вскоре процесс превращения монашеских поселений в города, а аббатов в принцев, начинает отражаться и на внутренних монастырских порядках.

Рассматриваемые в данном сборнике документы наглядно показывают, как развивалось ирландское монашество в веках. Уставы свидетельствуют, что за какие-то двести лет, с VI по VIII век, духовные принципы и аскетические практики ирландских монастырей кардинально поменялись, ибо менялись и сами монастыри. Ирландское монашество – изначально свободное движение одиноких отшельников – со временем трансформируется в крупные социальные очаги. Отдельный аскетический порыв приводит к созданию лавр с тысячами насельников. В одном только Бангоре (*Bangor*), монастыре VI века, основанном преподобным Комгаллом (*Comgall*), братия насчитывает шесть тысяч человек. Еще три тысячи монахов проживало в многочисленных подворьях Бангорского монастыря. Совершенно очевидно, что такие перемены существенно влияют на духовную жизнь братии. Через монастырские окна все

чаще доносится не просто шум большой лавры, а настоящий гул полноценного города, выросшего вокруг нее. Ирландский город, порожденный монастырем, все заметнее конфликтует со своим родителем. Базары, кузницы, мануфактуры, амбары, молотильни, школы – весь объем светской жизни создает для монастыря опасное соседство, который инстинктивно начинает себя огораживать. Впервые вокруг ирландских аббатств появляются заборы, а принцип городищ (каменных оград вокруг монастырского центра) становится их архитектурной особенностью. Со временем вокруг первого каменного забора выстраивается второй, появляется внешний и внутренний периметры, места для непосвященных и территории, доступные только для монахов. Остатки каменных оград конца VI века очень наглядно демонстрируют это новшество – разделение пространства монастыря на сакральное и секулярное. Практически все ранние ирландские церковные поселения устраиваются по типу городища круглой или овальной формы. И практически все эти городища имеют внутренний и внешний круг. Во внутреннем сосредотачивается духовное ядро монастыря, большинство же сопутствующих монашеской жизни построек находятся во внешнем кольце. Именно здесь были созданы все шедевры кельтского христианского искусства из оленьего рога, железа, бронзы, серебра и золота.

Таким образом, ирландское монашество, породив вокруг себя довольно бурную жизнь, одним из первых в истории столкнулось с вызовом секуляризма. Причина же данного феномена кроется в следующей любопытной особенности кельтского христианства.

Церковь в Ирландии, никогда не знавшая внешней культурной экспансии, создала собственную самобытную культуру, которая в равной степени чествовалась как церковным,

Святой
Патрик,
Просветитель
Ирландии

так и светским обществом, без пресловутого разделения на клерикальное и секулярное. Монастыри и святые настолько гармонизировали с ирландской идентичностью, что христианские образы, такие как каменные кресты, круглые башни, церковная вязь, евангельские миниатюры, стали общенациональными символами Ирландии. Достаточно вспомнить трилистник святого Патрика. Но за эту близость «небесного» и «земного» приходилось платить. Несмотря на попытки табуировать внутренне пространство, заботы века сего продолжали пронизывать аббатства. У монастырских стен кипит торговля,

развиваются ремесла, находят себе пристанище музыканты, барды, поэты. В свете вышесказанного становится понятным весьма резкое отношение святого VIII века преподобного Маэлуайна к музыке. На вопрос анахорета, который, по-видимому, принадлежал еще к старой монашеской традиции, Маэлуайн вынужден отвечать со всей строгостью: «Передайте Кронану: эти уши не возрадуются всей музыке мира, покуда не услышат блаженной музыки небес». А ведь еще два века назад монастырь был желанным местом для странствующих филидов и поэтов. Но теперь, по-видимому, там, где должна звучать молитва, слишком громко звучит иная музыка.

К сожалению, до нас дошло мало исторических фактов, проливающих свет на подвиги ирландских святых. Большинство «Житий» записаны столетиями позже от времени жизни своих «героев». По своему характеру и идеям они больше повествуют о месте их составления, чем о реальной биографии святого. Вся жизнь подвижника выстраивается вокруг крупного монастыря – места рождения его «жития». Превращаясь в крупные центры влияния, ирландские монастыри стремятся утвердить себя на авторитете какого-нибудь великого святого, соперничая друг с другом за право обладания реликвиями. Мощи, посох, колокол, одежда, священные книги, принадлежащие святому, поднимают статус аббатства, привлекают к обители новых монахов и паломников. К концу VI века практически каждый аббат крупного монастыря именуется *soimhba* – прямым наследником основателя обители.

Конкуренция между монастырями, которые к VII–VIII вв. приобрели колоссальное влияние не только на духовную, но и на политическую жизни общества, иногда выходила за рамки приемлемого. Достаточно вспомнить знаменитое сражение 561 года при Кул Древне (*Cúl Dreivne*), где сошлись светские

армии двух духовных лидеров – преподобного Коламбы Айонского (Colm Cille) и святого Финниана Мовильского (Finnian). Причиной кровавой бойни, унесшей жизни трех тысяч солдат, стал спор за обладание копией священной книги псалмов, переведенной на латынь святым Иеронимом Стридонским. И хотя собор 562 года осудил действие Коламбы, а сам он, в знак покаяния, навсегда покинул Ирландию, военные конфликты по схожим причинам были не редкость. В VIII веке мы встречаем неоднократные примеры беспощадных битв между монастырями за право обладания высоким статусом или чтимой святыней.

Монастыри играли большую роль и в политике королей. В этой связи их претензии на исключительность имели печальные последствия. Многие ирландские короли, защищая и охраняя аббатства на своей территории, с легкостью сокрушали и разоряли такие же обители на территории побежденного соседа. Они выступали не против христианства как такового, а против конкурирующего монастыря, ставшего оплотом и символом их врага. Таким образом, задолго до разорения ирландских монастырей внешними завоевателями это с легкостью делали «наихристианнейшие и благочестивейшие» короли Ирландии.

Помимо придания исключительного статуса, амбиции крупных монастырей служили и иной, сугубо духовной цели. Как мы уже сказали, городская жизнь неминуемо влияла на монастырь. Строгость правил и уставов ослабевала. В таких условиях закрепление за аббатствами великих святых имело целью сохранение прежних идеалов. Не напрасно во многих уставах VIII века можно встретить сетования аббатов на то, что высокие требования, завещанные отцами-основателями, более не соблюдаются.

Подобная ретроспектива, безусловно, свидетельствует о постепенном упадке монашеской жизни в Ирландии. К концу VII века тенденция на преемственность, особый интерес к идеалам прошлого отражаются даже на монастырской архитектуре. Копирование более ранних образцов становится обычным делом для поздних ирландских монастырей. Каждая обитель стремится всем своим видом показать, что ее история восходит к великому отцу основателю, сами стены монастыря воздвигнуты по образцам, предложенным святым патроном. Так, например, прекрасно сохранившиеся каменные кельи (clochan) в виде перевернутых лодок являются ноу-хау монастырей западной части Ирландии (графство Кэрри). Корабль или лодка всегда были символом Церкви, путешествующей во времени. Можно предположить, что монахи, подвизавшиеся в Кэрри, таким образом желали подчеркнуть мимолетность и скоротечность жизни. Само греческое слово «приход» (παρουσία) имеет подобный смысл. (Приход (парусия) – букв., проходящий мимо, мимолетный, находящийся в движении. Отсюда, французский аналог «paroise» и английский «perish»). Самый знаменитый пример такого строения – часовня Галларуса. И хотя она была воздвигнута на полуострове Дингл в конце VII века, ученые полагают, что строение стало точной копией более раннего образца.

Не только архитектурные формы храмов и часовен стали предметом поздних реплик. По древним образцам копируется даже схема расположения строений на территории нового монастыря. Интересно проследить, например, как схемы аранских монастырей в точности повторяются в центральной части острова. Именно с Аранских островов (Aran Islands) вышли многие будущие аббаты. Строя свои монастыри, они воссоздают те же формы, что видели в alma mater. Характер-

ный пример – аранский монастырь Инишмурей (Inishmorey) на побережье графства Слайго (Sligo, северо-запад Ирландии). Первая монашеская община появилась здесь в начале VI века. Братия обители обосновалась в центре древнего мегалитического сооружения, похожего на знаменитый комплекс Ньюгрейндж (Newgrange). Каменный форт состоял из большой круглой ограды. Образ именно этой мегалитической ограды виден практически во всех ирландских обителях, основанных выходцами из Инишмурей. Монахи без особых видимых причин создавали копию модели, внутри которой они выросли на Аранских островах. Подобным образом по всему острову, в глубоких болотах, на высоких скалах и в непроходимых рощах можно встретить реплики крестов, алтарей и каменных строений, оригиналы которых находятся на западных берегах Ирландии.

Конечно, планировки монастырей, храмов и келий несут на себе следы новых архитектурных форм. Так, например, знаменитые круглые башни могут быть не только отдельно стоящим строением, но и вмонтированными в крышу храма, как видим на примере церкви святого Кевина в монастыре Гланделок (Glendalough, графство Уиклоу). Также отдельно стоящие каменные кресты нередко монтируются в алтари, как видим в Инишмурей. Но принцип древнего шаблона оставался неизменным.

Подобная модель развития предполагает преемственность и в уставах. Внутренний дух не менее важен, чем внешние формы. Конечно, говорить о едином монастырском уставе в Ирландии не приходится. Однако дошедшие до нас правила часто содержат нормы, которые позволяли причислять их к одной традиции. Например, об уставе святого Энды (Endeus), основателя ирландского монашества и первого игумена Аранских

островов (начало VI века), известно очень мало. Но поскольку его ученики с точностью копировали внешний вид аранских крестов и строений, можно предположить, что уставы их аббатств также скопировали правила, завещанные учителем.

Монашеские правила на территории одного или нескольких королевств могли быть очень схожими. Крупные монастыри канонически контролировали близлежащие общины, подкрепляя свой духовной авторитет связью с великим основателем. Таким образом, в Ирландии создавались монашеские конфедерации, каждая из которых считала свой устав исключительным и идеальным. На этой почве между аббатами монастырей возникали даже споры, что видно из беседы Маэлруайна с аббатом по имени Дубхлитир (Dubhlitir). «Мои монахи, покуда находятся в этих краях и живут по моему уставу, никогда не станут пить того, что влечет забвение Бога», – утверждает Маэлруайн. Дубхлитир не согласен: «А мои пьют пиво и войдут на Небо вместе с твоими иноками». На что Маэлруайн отвечает: «А я в этом не уверен». Далее Маэлруайн утверждает, что его монахи, живущие по правильному уставу, «не будут испытывать необходимость огненного очищения перед Судом. Другое дело – твои братья», – намекает он на «неправильных» монахов Дубхлитира.

В церковных текстах конца VII века мы находим немало примеров подобных диспутов между монашескими конфедерациями. Их главной целью была верность монастырей-сателлитов своему духовному центру. Учитывая, что в Ирландии епископы не играли административной роли, этот процесс вполне объясним. К сожалению, тяжбы между монастырями за право доминировать над той или иной местностью нередко приводили к открытым столкновениям.

За какие-то двести лет монастырь в Ирландии претерпел серьезные перемены. На его первоначальный образ влия-

ли сильные факторы: Синод в Уитби (Whitby, 664 г.), устав святого Бенедикта, политика сближения с континентом, наконец, нашествие иноплеменных. В итоге, многие конфедерации приняли римский стиль. Часть «непримиримых» ушла в «самоизоляцию», по выражению одного из авторов сборника протоиерея Александра Шабанова. Но были и те, кто искал синтез между новыми реалиями и кельтской стариной. Последние и породили уникальное церковное явление, которое известно под именем *Céli Dé* – «Друзей Божиих» (или кулдеев).

Представленные в этом сборнике переводы относятся к традиции «Друзей Божиих». Это довольно поздняя историческая форма ирландской духовной культуры. Она явилась своеобразной реакцией на деградацию монашеской жизни. Кулдеи, безусловно, являются продолжателями кельтского монашества классического периода. По крайней мере они пытались сохранить духовную строгость «золотого века». Однако делали это своеобразно: путем подробнейших инструкций по самым малозначительным вопросам.

Уставы кулдеев невероятно дотошны. Один из самых выдающихся примеров – Устав святого Маэлурайна. Читая этот текст, вы узнаете о том, в каком виде, какими порциями и при каких обстоятельствах монаху следует потреблять лук-порей, молоко, сыр, сливки, творог, сычужную жидкость, неразбавленную сыворотку, пиво, эль, гарниры, рыбу, овсяную кашу, хлебные злаки, печеные яблоки, круто сваренные яйца, пряности, капусту, мясной бульон, дичь, бекон, потроха, животный жир, печенку, ливер, птицу, оленину, кабана, околопочечный жир, а также жир, что стекает во время жарки мяса на сковородку. В Уставе даже обговаривается, как правильно пить воду – залпом или малыми глотками, – а также регулируется потребление травы, сорванной в воскресенье. Это настоящая

кулинарная книга, пример гастрономической сотериологии, где важно все. Приготовление и прием пищи воспринимаются предельно серьезно, судьбоносно, потому что Устав сакраментален, его точное исполнение влияет на посмертную участь. Вспомните диалог двух аббатов, где потребление неправильных продуктов чревато огненным очищением.

Подобное же видим и в Уставе «Друзей Божиих» IX века, где подробно, словно в инструкции, предписывается, какими глотками следует пить пиво: «пейте пиво маленькими глотками из небольших чашек». Даже такому пустяку придается душеспасительное значение. Важно все – сколько глотков отвести на кружку воды или сколько поклонов положить при чтении Псалтыри. Отсюда поистине священный ужас перед потреблением в пищу травы, сорванной в воскресный день, варкой каши по воскресеньям или приему пожертвований в День Господень. Никаких компромиссов, во всем религиозная строгость: от приготовления бекона до церемонии входа в трапезный зал. В VIII–IX вв. уставы *Céili Dé* придали этой процедуре характер литургической процессии. До входа монахов в трапезную там должны находиться специальные дежурные. Чтецы должны занять свое место за аналоем. Всё должно выстроиться в чинный порядок. Прежде чем монахи войдут, «учиненный брат» должен ударить в колокол. Нет возможности ударить в колокол – беги на кухню и бей в кастрюлю. Нет кастрюли – стучи ложкой об оловянную тарелку. Как угодно, что угодно, но сигнал должен прозвучать. И только тогда братия входит с пением молитв.

Конечно же, за этим почти болезненным преклонением перед мельчайшими деталями видится определенная религиозная парадигма, а именно – ветхозаветный формализм. Недаром обвинение Кельтской Церкви в ветхозаветном мышлении станет основным упреком от континентальных богословов. Не-

которые запреты в уставах кулдеев можно объяснить только в свете ветхозаветных принципов. Как известно, система предписаний и табу в Ветхом Завете имела определенный воспитательный характер. Та или иная пища табуировалась не потому, что она была «плоха в очах Божиих», а для того, чтобы дисциплинировать народ Израильский. Без понимания этого педагогического положения мы с трудом поймем, почему Маэлруайн позволяет в обители готовить сыр, но запрещает творог, при этом сычужную жидкость от производства творога потреблять можно. Подобным образом овсяную кашу на мясном бульоне есть можно, а вкушение дичи под строгим запретом. Неважно, что и в каких пропорциях запрещать, главное – чтобы работал принцип послушания. Даже в монастырях одной конфедерации запреты различались. В обители Таллагхта (Tallaght), например, табуировалось потребление потрохов животных и животного жира, а в соседнем монастыре Дерринавлан (Derrynavlan) монахи преспокойно ели печенку и жир на Пасху. При этом обе обители духовно восходят к традиции святого Руадана (Ruadan).

При всей строгости ирландских уставов были и совсем неожиданные послабления, продиктованные, по-видимому, суровым климатом и тяжелыми условиями труда. Например, те, кто строго соблюдал Великий пост, получали разрешение вкушать нежирное молоко по воскресным дням. А Устав IX века благословляет, при великой скудости и бедности стола, в Святую Четыредесятницу потреблять мясо, если жизни грозит опасность. С такой же рассудительностью Устав IX века относится и к монахиням во время месячных, требуя строго следить за выдачей им мясного бульона!

В практике «Друзей Божиих» были и другие весьма любопытные практики. Так, например, убийц, даже после покаяния и епитимьи, не причащали Кровью, они имели право

приобщаться только Телом. Это весьма оригинальное пастырское решение – пожизненный запрет причащаться под обоими видами, при сохранении самой возможности Причастия.

Любопытным выглядит и крещение плода в утробе матери. Над беременной женщиной читались молитвы, после чего Крещенская вода возливалась на живот женщины в районе головы плода. Остаток воды она должна была выпить, освещая плод изнутри.

Совершенно по-новому в уставах «Друзей Божиих» звучит и тема путешествий. Паломничество Христа ради, или «*peregrinatio pro Christo*», было особенной чертой кельтского монашества. Толпы странствующих ирландских монахов в VI–VII вв. бродили по острову и переправлялись на континент. Они основывали новые монастыри, открывали неизведанные земли, обращали целые народы. Во времена святого Брендана Мореплавателя паломничество воспринималось как элемент особого духовного подвига. В правилах же *Céili Dé* эта привычная черта ирландского монашества осуждается. Устав святого Маэлуайна не поощряет никаких «миссионерских путешествий». На вопрос своего ученика о главном принципе монашеского делания, Маэлуайн отвечает поразительно не по-кельтски: «Я советую тебе не покидать своей кельи». Даже в уставе святого Аилбе (*Ailbe*, ум. в 528 г.) предписывается оседлость, что странно для практики VI века: «Покуда вы в этой жизни, не покидайте монастырь, даже ради какого-либо дела». Это – типичное требование бенедиктинового устава, влияние которого, по-видимому, в VIII веке было широко распространено. Структура устава святого Аилбе, состоящего из 56 кратких пунктов, даже внешне напоминает 72 правила устава святого Бенедикта. Существует мнение, что данный текст, скорее всего, был составлен в IX веке и принадлежит традиции кулдеев, что

видно из многочисленных гастрономических предписаний – излюбленной темы «Друзей Божиих». Устав Аилбе говорит об обстоятельствах, когда можно есть свежее мясо, молоко, угря, а также морскую капусту с сухим хлебом.

Отголоском совершенно новых реалий в Уставе IX века звучит тема деградации образовательного уровня ирландских клириков. Епископу, который рукополагает священника, не умеющего читать, не знающего Писания и законов Церкви, Устав предписывает строгую епитимью. Для Ирландии, которую называли островом «ученых и святых», где в каждом монастыре была уникальная библиотека, а монастырские школы привлекали учеников с континента, это свидетельство серьезных перемен. Более того, в некоторых уставах появляются весьма странные указания на дисциплинарные практики, ранее не знакомые кельтскому христианству: телесные наказания, флелляция, биения ладоней палками.

Уникальность текстов, представленных в данном сборнике, заключается в том, что они описывают одну и ту же христианскую общину в процессе ее вековых перемен. То, что было общепринято в VI веке, претерпевает существенные изменения в практике VIII века. Менялась жизнь, менялись обстоятельства, менялась и Церковь.

В «Исповеди» святого Патрика можно встретить свидетельства напряженного апокалиптического ожидания. Христос в Евангелии говорит: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (*Матф.24:14*). Патрик уверен, что именно после его проповеди в Ирландии, после обращения последнего народа «края вселенной», наступит Славное Второе Пришествие. Вполне возможно, что предапокалиптические чаяния святого апостола Ирландии передались его последователям,

и ожидание скорого Пришествия было основным настроением первых христиан «зеленого острова». Ведь так жили и апостолы. «Незаботой» о будущем можно объяснить и столь скудный церковно-археологический материал ранних веков ирландского монашества. До нас практически не дошло никаких артефактов жизни монахов конца V — начала VI века. Все жития, уставы и руины принадлежат гораздо более позднему времени. Но шли годы, мир продолжал существовать, и сознание Церкви менялось. На смену мимолетности приходит основательность. Вся церковная культура последующих веков, как будто, говорит: мы здесь, похоже, надолго, и к встрече с Господом надо основательно подготовиться.

В определенном смысле духовные перемены, происшедшие в Ирландии, можно проследить на примере ирландских крестов, разбросанных по всему острову.

Отдельно стоящие кресты или крестообразные столбы из дерева или камня стали устанавливать в очень раннее время. Биограф святого Коламбы Айонского преподобный Адомнан (Adomnan) в «Житии», написанном около 700 года, упоминает крест на Айоне, вмонтированный много лет назад в мельничный камень. Предполагают, что изначально он был деревянным, так как многие ранние ирландские кресты были вырезаны из дерева, а каменные образцы стали их точными копиями. Известно, что кельтские монахи искусно украшали свои священные книги высокохудожественными цветными орнаментами. Вполне возможно, что и деревянные кресты первоначально были расписаны восхитительными узорами. Но век подобных шедевров недолгий. Даже цветные манускрипты, при их бережном хранении, дошли до нас в небольшом количестве. Кресты же стояли на открытых местностях, продуваемые всеми ветрами, испытывая на себе все «прелести» ирландской

погоды. Можно предположить, что при виде ветшающих деревянных шедевров, превращающихся в труху, мастера все чаще обращали свой взор к камню. С приходом римской архитектуры и распространением нового стиля камень становится основным церковным материалом на острове. В VIII—IX вв. этот процесс становится повсеместным, и в анналах впервые упоминается о полностью каменных монастырях: Армаг (Armagh) и Келлс (Kells). К этому периоду относится и большинство самых древних каменных крестов, дошедших до нашего времени. Не забудем, что это был период нашествия викингов. По-видимому, первоначальные деревянные постройки часто горели, что вновь заставляло ирландских мастеров отдавать предпочтение камню. Количество каменных строений в следующем веке увеличивается, а в X—XI вв. они уже становятся нормой. Так на смену первоначальной легкости приходит монументальность.

В XII веке практически все каменные строения, включая высокие кельтские кресты, испытывают на себе влияние римского стиля. Под романскую традицию «подгоняются» многие древние церкви, как видно на примере перестроенных церквей Аранских островов. В это же время в Ирландии появляются высокие кресты с совершенно новой деталью. Ставрография XI—XII вв. нарочито и выпукло изображает фигуру епископа в тиаре и с жезлом в руке – символами церковной власти. Потребность в таких изображениях не случайна. Это символ римского триумфа, победы кентерберийских епископов над ирландскими аббатами. Статус епископа в Ирландии теперь окончательно приведен к положению, принятому во всей Западной Церкви.

Переход от дерева к камню в церковном искусстве действительно чем-то напоминает ту духовную трансформацию, которую можно проследить в текстах ирландских уставов. На

смену легкому, способному плыть по любым водам дереву приходит основательный, тяжелый материал. Место отшельников занимают «принцы», одинокие кельи обрастают крупными городами, апокалиптическая беззаботность сменяется скрупулезными предписаниями. По мере того, как каменеет дерево, крупнеют монастыри, толстеют уставы, оседают путешествующие. Начиная с 800-х годов монашеские правила резко негативно относятся к любому несанкционированному покиданию монастыря. Вся жизнь стремится быть описанной, упорядоченной, вросшей в основательный камень. И только какой-то кельтской причудой звучат в это время рассказы о плавании монахов... на камнях: святой прыгнул на отколовшийся кусок базальта и переплыл море для проповеди Евангелия. Авторы этих преданий как будто смеются над предписанием осесть внутри каменных стен: «Ушла былая легкость? Всюду камень? Не беда, поплывем на камне!». Удивительные люди.

В XII веке в истории Ирландской Церкви происходят самые значительные перемены, приведшие кельтскую традицию к упадку и забвению. Кельтское монашество окончательно уступает новым формам организации жизни: ордена августинцев, цистерцианцев, бенедиктинцев. Ускорению и закреплению этого процесса способствовали и англо-норманнские завоевания XII—XIII вв. В результате одни монастыри стали епископскими кафедрами, а другие трансформировались в приходские церкви, чему не в малой степени способствовал труд «Друзей Божиих». Были обители, которые вовсе исчезли, приняв вид полноценных городов. Сегодня такими городами, выросшими из монастырских стен, являются: Армаг (Armagh), Килдэр (Kildare), Келс (Kells), Киллало (Killaloe), а также Дерри (Derry). Но некоторым повезло еще меньше, они превратились в безлюдные, хотя и очень красивые, зеленые

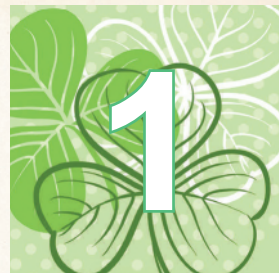
пустыни: Клонмакнойз (Clonmacnoise), Дарроу (Durrow), Килмакдаг (Kilmacduagh), Монастербойс (Monasterboice).

В свете того, что случилось с кельтским монашеством, очевидно, что «Друзья Божии» были не только последними романтиками «золотого века», но и первыми реалистами своего времени. Они предприняли честную попытку сохранить монашеский идеал, дотошно формализуя жизнь внутри монастырей. Но в какой-то момент осознав, что все попытки тщетны, кулдеи переключили свои усилия на внешнюю, пастырскую деятельность. Ирландские каноники XII века, целью которых было приходское служение, во многом вышли из *Céli Dé*. Таки образом, бывшие монастыри «Друзей Божиих» стали основой крепких приходов, которые дошли и до наших дней.

Надеюсь, книга найдёт своих благодарных читателей и станет интересна не только медиевистам, но и всем любителям истории Древней Церкви.

В завершение хотел бы выразить особую благодарность протоиерею Александру Шабанову за предпринятый труд и проявленное терпение, а также признательность доктору филологических наук, профессору Юрию Варзону за перевод и герменевтический анализ текстов.

Игорь ПЕТРОВСКИЙ

Устав
СВЯТОГО
Маэруайна
из Таллагхта

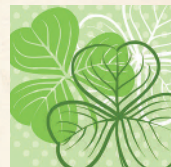
THE
ANGLICAN COMMUNION
CHURCH OF IRELAND
ST. MAELRUAIN'S
TALLAGHT
SUNDAY SERVICES

8.30 am. HOLY COMMUNION
11.00 am. MORNING SERVICE
 HOLY COMMUNION
 2nd. & 4th. SUNDAYS

SUNDAY SCHOOL DURING 11am. SERVICE

RECTOR:
Rev. Wm. Deverell
086 803 0239

SEXTON:
MRS. G. WALSH
PH. 4513608

На иконе ирландских святых, соберись мы набрасывать эскиз такого списка, лик святого Маэлруайна был бы размещён где-то в первом ряду этого грандиозного изображения, скажем, по правую руку от преподобного Коламбы Айонского и рядом со святым Киераном из Клонмакнойза. Сосредоточенный, но не суровый, без птиц, цветов, корабликов, держащий лишь тяжёлый посох и в грубом кожаном переплёте Евангелие, он бы пристально смотрел на любителей кельтских, излишне романтизированных древностей, завораживая своей историчностью, как иные святые списка завораживают «легендарностью».

Все силовые линии духовного подъёма VIII века в Ирландии так или иначе тянутся к нему, его монастырю в Таллагхте и трудам, что прямым или косвенным образом связаны с именем святого. И для движения *Céili Dé* – «друзей (спутников) Божьих», «кулдеев» – он, как в силу личного яркого монашеского служения, суровой, но взвешенной аскезы, так и благодаря большому интеллектуальному вкладу в ирокельтское наследие христианского Северо-Запада Европы, остаётся «отцом-учителем».

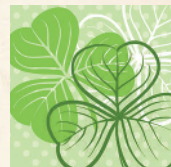
Учитывая то, что довольно многое в истории Кельтской Церкви можно расценивать как «гадательно-предположительный» факт, и выстраивая при этом объективную ретроспекцию

жизни и служения святого Маэлуайна, его трудов и работ, мы отмечаем бóльшую пропорцию документальных, нежели легендарных свидетельств.

Само имя святого, ирландское Mael-Ruain, указывает на то, что он прибыл на юг графства Мит (Mit), в места, где в IX веке викинги заложат Дублин (Dub Linn – буквально – «Чёрный пруд» (The Black Pool) из монастыря святого Руадана в Лорре (Lorrha), графство Типперери (Tipperary)). На древнеирландском «Маэл» означает «постриженный в монашество». При сложении с «Руайн» получается: «постриженный в монашество Руайном» или «в обители Руайна». Предположительно, он был учеником упоминаемого в тексте «Устава» Фердахриха, известного ирландского аскета VII–VIII вв. (Fer-dá-Chrich). В 774 году, согласно «Книге Лейнстера» (Book of Leinster – XI в.), преподобный пришёл в Таллагхт. Сейчас это южный район Дублина. Мартиролог Таллагхта (The Martyrology of Tallaght) сообщает, что «святой пришёл с мощами святых мучеников и дев». Монастырь, основанный им, представлял собой большое, экономически крепкое монашеское хозяйство, не поощрявшее практику «миссионерских путешествий», не закрытую, но со строгими порядками общину Céli Dé. Из «Устава» сложно понять, являлся ли Маэлуайн только лишь игуменом или, по давней кельтской традиции, совмещал настоятельство с епископским служением. Нигде не сказано о каких-либо священнических рукоположениях, им совершённых, но «Анналы Ольстера» (Annals of Ulster) фиксируют, что 7 июля 792 года «Маэлуайн Таллагхта, епископ и воин Христов в мире уснул» (“Maelruain Tallachta episcopus et miles Christi in pace dormivit”).

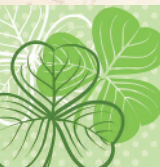
Монастырь, им основанный более ста лет до набегов викингов, играл большую роль в истории ирландского христианства. Окончательно его уничтожили карательные религиозные

Собор святого Маэлуайна. Таллагхт, XI (?) век

вылазки войск Кромвеля в 1650-х годах. В 1829 году на месте обители построили церковь в честь святого Маэлуайна. От прежнего архитектурного наследия сохранились большая каменная купель, высокий кельтский крест и башня. И литература. Удивительно живая, настоящего голоса.

Что именно писал Маэлуайн, диктовал, а что по памяти восстанавливали другие писцы, установить практически невозможно. Традиционно не оспаривается его авторство «Устава» и сохранившихся на древнеирландском «Поучений святого Маэлуайна». Под его влиянием был создан стихотворный «Мартиролог святого Оэнгуса» (The Martyrology of Oengus), служебник с древними ирландскими литургическими текстами, молитвенными последованиями «Stowe Missal» и «Мартирология Таллагхта» (Martyrology of Tallaght).

Текст «Устава» сохранился в Королевской Ирландской Академии (Royal Irish Academy 3. В 23 pp. 33—52, by Tadg ua Rig-Bardan, whose name is found in another manuscript dated to 1473), в Британском национальном музее (British Museum Additional 30512, f.33v and in “The Monastery of Tallaght”, Proceedings of the Royal Irish Academy 29 (1911) 115—179) и в Библиотеке францисканцев (Dublin, Franciscan ms G, a paraphrase)

Здесь он приводится по книге «The Celtic monk. Rules and writings of early Irish monks”. O’Maidin Uinseann. Kalamazoo, Michigan – Spenser, Massachusetts. – 1996 г. – Стр. 97—130.

The Anglican Communion

Church of Ireland

St. Maelruain's Tallaght

SUNDAY SERVICES:

8.30am Holy Communion 11.00am Morning Prayer
Sunday School & Creche during 11.00am Service
Family Service (4th Sun.) Holy Communion (1st & 3rd Sun)
11.00am Holy Communion first Wednesday of the month

ALL WELCOME

For information on Parish activities contact the Parish Office

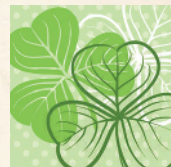
Rector:
Rev. Wm. Deverell
462 1044 or
086 803 0239

St. Maelruain's
Parish School
Kilclare Ave.
Jobstown 452 7933

Parish Office
Parish Centre
462 6006

• tallaght@dublin.anglican.org

web: www.stmaelruains.ie

Во время пения «Блаженных» (Псалом 118: «...Блаженны милостивые, яко тиши помиловани будут...». – А.Ш.), а также при совершении молитв за усопших полагалось стоять. Накануне Великих Праздников: Рождества, Богоявления, Пасхи и Антипасхи (в ирландской традиции Богоявление называлось «малым Рождеством», а «малой Пасхой» обозначалась Антипасха. – А.Ш.). Маэлуайн разрешал вкушать жирное (неснятое) молоко. В день же, последующий за каждым таким праздником (то есть в день «попразднества»), он благословлял пить молоко, немного разбавленное водой, или какой-нибудь травяной настой с одним селанном, выбираемым самими монахами. (Не совсем понятно, что могло стать такой добавкой в питье иноков, но количество «селанна» известно: четыре наполненные мёдом объёма куриных яйца. Приблизительно 250 миллилитров. – А.Ш.)

Соблюдающие строгий пост получали разрешение вкушать снятое (нежирное) молоко по воскресеньям весеннего поста (то есть – Великого) и в зимний пост (Рождественский). Им так же позволялся один селанн вечерами этих дней. Они никогда не ели сливочного масла, кроме дня святого Патрика, да и то при условии, что этот праздник не случался в среду или

пятницу. Было благословение только на снятое, разведённое водой молоко. Можно, впрочем, добавлять ещё полселанна к пище, но уже после захода солнца в оба вечера праздника (*то есть накануне события и в сам день.* – А.Ш.). Как послабление и милость Маэлруайн разрешал готовить кашу к субботнему вечеру.

Если одна из двух положенных вечерних служб святому Патрику выпадала на пятницу, то Маэлруайн вкушал кашу (porridge), сваренную на воде.

Céli Dé, так было установлено, не имели обычая обслуживать самих себя за трапезой. Это делали другие, специально подготовленные послушники. Ещё они не позволяли себе увеличения объёма пищи, даже в праздничные дни, но разрешалось больше пить, сдабривая напитки различными добавками (*condiment – травы, мёд.* – А.Ш.).

2. Капусту следовало подавать на стол вместе с нежирным молоком. Она не считалась отдельным блюдом, и количество предполагаемого за трапезой хлеба в связи с этим не сокращалось. Оно оставалось неизменным и в случае с рыбным блюдом, печёными яблоками и сыром, при условии, что всё перечисленное не предлагалось одновременно. Для яблок было следующее правило: Если с хлебом монахи съедали их умеренное количество, то хлебный рацион не сокращался. Дозволялось вкушать три-четыре крупных или пять-шесть мелких яблок. (*Переписчик сообщает на полях текста: «В другой рукописи указано на 5-6 крупных или 12 мелких».* – А.Ш.)

3. Если приготовленная рыба была большой величины, то дозволялась одна порция (то есть один целый кусок), а если маленькая, то две.

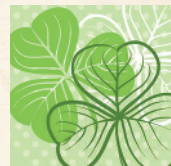
При наличии на кухне лука-порея монахи могли съесть 1-2 или даже 3 рыбины за трапезой.

Маэлруайн, в случае если монахи готовили сыр, не разрешал своему ученику Маэл Дитхруйбу (Mael Dithruib) предлагать в пищу братии творог. Но можно было смешивать сычужную жидкость из-под творога со свежим молоком и делать новый творог. Овсяная каша – размазня (Flummary), разрешалась за трапезой, поскольку готовилась из хлебных злаков, а не круто сваренных яиц (dry eggs), и Маэлруайн не запрещал есть такую кашу, даже если кто-то готовил её на мясном бульоне. Он не пил неразбавленную сыворотку, но разводилась она только чем-то пресным.

Они (монахи Таллагхта) подвергали себя самобичеванию (в английском тексте «flagellation») от Антипасхи до Пятидесятницы, а также приступали к нему сразу после Богоявления.

4. Те, кто присутствовал на ночной мессе в Пасху, причащались только Телом Христовым, если к тому дню прошёл год со времени их обращения. В третий год (*второй опущен. – А.Ш.*) они причащались Телом и в Пасху, и на Рождество. В четвёртый – их причащали Телом: на Пасху, Антипасху, Рождество и в Пятидесятницу. На пятый год им разрешалось причащаться в дни выше перечисленных праздников, а также каждый сороковой день года. В шестой – они получали Тело Христово ежемесячно. В седьмой – каждое второе воскресенье месяца, а на девятый – за каждой воскресной мессой. (*Судя по контексту, речь идёт не о монахах Таллагхта, а о принесших покаяние мирянах. – А.Ш.*)

5. Ты можешь спросить, почему так было устроено и отчего столь долгим было их ожидание. Те, кто был повинен

в пролитии крови, имел другие тяжёлые грехи, допускались до причастия Телом Христовым, но к Чаше, даже если и покаялись, их не допускали.

6. Крестное бдение (cross-vigil) христиане давних столетий называли «Бронёй (щитом) веры» («The Breastplate of Devotion»). Они совершали после него то, что именовалось «Ковчегом благочестия» («Shrine of Piety»), следующим образом. Сначала, обратившись лицом на Восток, они читали «Отче Наш». Затем «Бог в помощь» и трижды «Спешите» (festina).

Руки их были подняты к небесам. Однако после трапезы образ и порядок молитвословий менялся. Они сначала обращались к Востоку, потом с молитвой ко всем другим частям света, и уже после этого их взгляд опускался к земле, а в завершение вновь обращался к небу. Таков был «ковчег благочестия».

7. Ложась спать, Céli Dé обязательно облачались в другие одежды. Им претило проводить ночь в том, что было предназначено для дневного времени.

8. Маэлруайн более чем 20 лет не разрешал вкушать в монастыре дичь, потроха и животный жир даже на Пасхальных днях, кроме времени голода, которым была охвачена Ирландия.

9. Фланн Мак Дуибх Конна* (Flann Mac Duibh Conna) благословлял своих монахов употреблять в пищу дичь, печёнку

1 Фланн Мак Дуибх Конна – настоятель монастыря Дерринафлан (Derrynavlan), графство Типперари (Tipperary), упомянут в житии святого Руадана (st. Ruadan). Этот монастырь стал известен в 1980 г. в связи с археологическими находками. Там была обнаружена Евхаристическая Чаша, в диаметре 18 см, датируемая 750-м годом, и Дискос, относящийся к 850 году. Реликвии выставлены в Национальном музее Дублина.

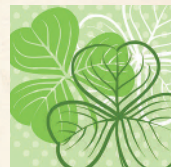
и жир на Пасху. А Маэлруайн перед Рождеством, Богоявлением, Пасхой и Пятидесятницей разрешал братии Таллагхта молоко, поскольку в день праздников они причащались за святой мессой.

10. Накануне упомянутых праздников устав Маэлруайна запрещал употребление пива и увеселительное времяпрепровождение. Святой не благословлял тех монахов, что впервые, во второй или третий раз молились за ночной мессой, причащаться Телом и Кровью. Они получали только Тело. Вино же, которое они пили, было не из Евхаристической Чаши, но обычное. Правда, прислуга и кухонные работники получали от Маэлруайна суровое порицание в случае большого расходования молока и других продуктов. Серьёзным проступком считалась и следующая погрешность: если в молочник, на дне и стенках которого виднелись остатки молока, кто-то вливал свежую воду.

Для молочных продуктов должен был использоваться свой отдельный сосуд, для воды – свой. Надлежало все остатки молока вылить, чтобы делать после сыворотку, и лишь потом погружать его в проточную воду или же использовать молочник только для новой сыворотки. *(Скрупулёзные гигиенические правила в Таллагхте касались всех аспектов жизни. – А.Ш.)*

11. Если воскресный день выпадал на октаву, он не выделялся особо, даже в случае проведения служб другим порядком, но праздновался как один из дней октавы. При попадании воскресенья на третий день октавы следующий за ним понедельник считался четвёртым днём октавы.

12. Вот что говорил Маэлруайн своему ученику Маэл Дидхруйбу, когда тот спросил: «Как мне лучше поступать

в жизни?». «Я советую тебе не покидать своей кельи, не иметь дел с суетой мира, никогда не ходить на собрания или суды, чтобы защищать кого-нибудь. Будь дома в молитвах, изучении Писания, и если будет необходимость, то давай добрые советы нуждающимся людям».

13. Древние Отцы (*The fathers of Old – конкретно никто не называется. – А.Ш.*) не считали возможным причащать недостойных грешников (даже если те и признали свои прегрешения), боящихся смерти, поскольку их обращение к Богу не выбор свободной воли, а лишь последствие страха. Никто не может быть уверен в честности такого обращения, пока не подтвердится, что умирающий человек незадолго до кончины вёл благочестивую жизнь. И только духовные лица имеют право судить, достоин он причастия или нет.

14. Некоторые из древних Отцов считали недопустимым совершать заупокойную мессу за монахов, скончавшихся без святого Причастия. Другие же считали иначе. Если сомневаешься, то читай книгу Tuara Aithri (*Идентифицировать это произведение не удалось ни переписчику, ни комментаторам. – А.Ш.*), где ясно сказано, что молиться за таких монахов не следует.

15. Тем монахам, что никогда не ели мясо, в случае великих бедствий позволялось на Святую Пасху его вкушать. Но они могли заменить его хлебом, который из-за нехватки, ввиду опустошений, можно было взять количеством, помещаемым в одну руку и запить каким-либо питьём.

16. Между алтарём и капеллой, где пел хор, было пространство, которое никогда не пересекали монахи. Любой, кто дерзнул пройти перед местом приношения Бескровной Жертвы, подвергался наказанию.

17. Отрывок из Евангелия от Иоанна читался вечерами первой недели. На второй читали из Книги Деяний. Один монах спросил Маэлурайна: «Правильно ли мы делаем, что читаем, не чередуя эти книги?». «Да, – ответил тот, – таков древний обычай, и не нам его менять».

18. Во времена святого у монахов был обычай читать Псалмы про себя, вставляя между ними молитвы и прошения за кающихся грешников. *(В тексте есть замечание переписчика, называющего эту практику interposita, под которой можно понимать какие-то молитвы, вставляемые с прошениями между Псалмами, или просто внутренне сосредоточенное молчание читающего. – А.Ш.)*

19. Маэлурайн был против облегчения груза обязанностей, возложенных на монахов обители. Он говорил: «Я должен трудиться, и это священная плата». Только священникам из братий он делал послабление, если их послушание препятствовало совершению мессы. И если случалось, что кто-то из братий не мог причаститься в воскресенье, то Маэлурайн благословлял ему подходить к Чаше в четверг, последующий за тем воскресеньем. Он был против больших промежутков между причастием. Для мессы были выбраны два этих дня.

20. Маэлурайн не одобрял, если его монахи откладывали до воскресного дня исповедь малых грехов – таких как: пустословие, недовольство, злословие, гнев и прочих, в которые им случалось впасть на неделе. Он говорил: «Во всём этом нужно каяться не мешкая».

21. Если монах исповедовался одному духовнику, получил от него епитимью, он не должен был исповедовать те же самые грехи другому. Но если за грехи, исповеданные первому,

Фрагмент каменной чаши.
Внутренний двор Собора святого Маэлуайна, Таллагхт

он не исполнил наказание, то следовало каяться в этом второму и нести искупление, наложенное на него уже им.

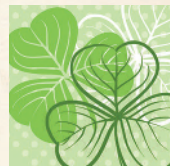
22. Маэлуайн считал бесполезной и пустой исповедь в одних и тех же грехах, если кающийся не выполнял наложенного на него наказания. Это и стало причиной того, что Элаир (Eláir) распустил своих кающихся братьев, которые не исполняли наложенные на них епитимьи. *(Английский комментатор считает, что здесь речь идёт о святом Иллари (Элаире))*

(Eláir(e)), основателе монастыря hoch Cre около Rojcre, почившем в 807 г. - А.Ш.)

23. В голодные времена трудно давать советы о вкушении мяса Великим Постом. Но если смерть грозила человеку, то Маэлруайн разрешал такую пищу. Впрочем, он никогда не давал совета на подобный шаг, понимая, что если других запасов не осталось, то голодный станет есть мясо, страшась смерти. *(Несколько «тёмное» место, может быть, часть изначального текста была утрачена, и переписчик «оставил всё как есть». - А.Ш.)*

24. Принёсшего ложную клятву он благословлял к аскетическим упражнениям *(не ясно, может быть, речь идёт о выполнении каких-то поклонов, тяжёлой работе. - А.Ш.)*, если это случалось впервые. Во второй раз он предписывал строгий пост на хлебе и воде. Если случался третий, то провинившемуся приходилось полностью отказываться от пищи.

25. Кающиеся освобождались от участия в «крестных бдениях» (cross-vigils) перед Великим Четвергом. И вечером того же дня от них не требовалось никаких аскетических упражнений. *(В тексте стоит английское слово «self-castigation», которое встречается в «Уставе святого Аилбе» (См. ниже), в § 30, где оно по смыслу переводится не как «самобичевание», а как «наказание в реке». - А.Ш.)* На ужин разрешалось вкушение хлеба и молока, разведённого водой. Днём Четверга Маэлруайн произносил проповедь о Пасхальной вечерне. Они ели, а затем отправлялись на церемонию омовения ног, в память о том, как Христос совершал это с апостолами. Во время омовения пелись «Блаженны...», а потом произносилась проповедь в память того евангельского события. И следовала вечерняя молитва.

26. Между Пасхой и Антипасхой монахи, как установил Маэлруайн, не оставляли своих аскетических послушаний, крестных бдений, ночной молитвы. Так же было и в дни от Вознесения до Пятидесятницы. Причём обязательно на литаниях произносилась проповедь.

27. Маэлруайн считал, что человек должен приносить покаяние даже в случае, если он не находит в себе сил выносить наказание за исповеданный грех, поскольку считал, что и сама по себе исповедь уже является частью труда кающегося грешника. Прискорбней будет, если последний уйдёт, не раскаявшись вовсе. «Тот, – учил святой, – кто, если и не в состоянии исполнять надлежащее наказание, тем не менее, исповедует, уже находится на пути спасения. Даже такая исповедь полезна, ибо болезнь греха не принесёт смерти его совести».

28. Устав Маэлруайна определял порядок, касающийся соблюдения постных дней. Разрешалось вкушение хлеба количеством в один морсел (*morsel*, буквально: «единожды наполненный рот» – *mouth-full of morsel*. – А.Ш.) и один ледел (*ladle* – неопределённое количество жидкости. – А.Ш.) воды, разведённой молоком для здоровых монахов. Больные братья вкушали по два морсела хлеба и два ледла молочной воды.

29. Когда монах находился при смерти или сразу же после того, как смерть его настигала, было принято читать «Песнь Соломона» (*Canticum Solomonis*), потому что это особые стихи, повествующие о неизменной связи Церкви с каждой христианской душой.

30. С большой неохотой монахи Таллагхта принимали дары, приносимые мирянами в обитель, боясь, как бы грехи дарителей не упали на них самих. Они соглашались взять

дары только в виде залога их будущих молитв за жертвователей. Монахи говорили, что как грех вора ложится на человека, оказывающего гостеприимство преступнику, дающего ему приют и постель, так и грехи мирян падают на тех иноков, что не гнушаются принесёнными дарами.

31. Для сбора десятины монахи использовали специальный сосуд *decimno'ir* (*Переписчик специально сохранил это ирландское слово. – А.Ш.*), в который обычно складывалась рыба или сыр. Десятая часть от этого сбора раздавалась бедным. Сосуд тщательно хранили, чтобы не было поводов возмутиться несправедливым разделением пожертвований.

32. Брат во Христе, мирянин (*ирл. «bratair tuata», это мог быть и мирянин, живущий на монастырской земле, и послушник-монах, не имеющий священного сана. – А.Ш.*) однажды сказал своему духовному наставнику: «Я не думаю, что пение Канона Божией Матери и «Блаженных» предпочтительней других молитвословий». Духовник (*буквально: «сын жизни» – «son of life»*) ответил ему так: «Ты не должен сомневаться в истинности установленного порядка. Точно так же, как осуждённый на виселицу человек в ожидании казни поёт хвалебные песни царю земному, надеясь на его милости и прощение, и мы возглашаем хвалы Небесному Царю, надеясь на избавление от ада. И надо ещё, – продолжал он, – как Ангел приветствовал Богородицу в День Благовещения, воспевать Её, чтобы эти слова (*имеется в виду «Богородице Дево, радуйся».* – А.Ш.) стали венчающей нас короной, сочетая в себе и хвалу Богу и причитания о грехе.

33 а. Когда монахи пели заупокойную молитву (*requiem*), они называли усопшего его крещальным именем. Маэлруайн учил, что если кто-то забудет имя человека,

за которого молится, то довольно будет и первого слога его имени.

33 б. Он не хотел, чтобы монахи расспрашивали навещающих их людей о всяческих новостях и слухах, советовал сторониться пустых разговоров, поскольку считал, что они, кроме смятения и вреда, ничего не приносят слушающему иноку.

34. Всё, что для монастыря было излишним, он требовал раздавать бедным. Запасы мяса, головки масла и прочее Маэлруайн благословлял не убирать в погреб, но отдавать голодающим людям.

35. Маэл Дидхруиб (Mael Dithruib) передал это Элаиру (Илларию – лат., *Eláir* – ирл.) не Великому Илларию (Пиктавийскому. – А.Ш.), но другому. Он спросил Элаира: «Правильно ли будет, если мы будем принимать вещи из других, старых церквей (приходов), священники которых, как доподлинно известно, не вели благочестивой жизни?» «Да, – ответил Элаир, – поступайте так, ибо вы не несёте ответственности за поступки их несправедливой жизни. Даже если они были стяжателями, церковь в том невиновна, и мы имеем полное право на их наследие».

36. Я слышал, – говорил Маэл Дитхруиб, – что обычно Дубхлитир (Mael Dubhilitir) вычитывал всю Псалтирь (три раза по пятьдесят псалмов) стоя, совершая коленопреклонения после каждого псалма. Маэлруайн на это заметил: «Я поступаю иначе. Первые 50 читаю стоя, потом сажусь и следующие 50 прочитываю сидя и вновь встаю, чтобы завершить правило оставшимися 50 (пятьюдесятью). Дело в том, что тот, кто долго сидит, может впасть в сон, а стоящий с книгой в руках изнурит

себя, и плод его чтения окажется тщетным. (Редактор Устава сообщает, что святой Дубхлитир не кто иной, как настоятель Фингласа (Finglas), монастыря близ Дублина, имевшего тесные духовные и административные связи с Таллагхтом. В 780 году он председательствовал на Синоде в Таре. Умер в 796 году. Память 15 мая. – А.Ш.)

37. Настоятель Клонферта (монастырь святого Брендана Мореплавателя в графстве Оффали (Offali) по имени Муирхеартах Мак Олкобхар (Muirheartach Mac Olkobhar) благословлял совершать бдение следующим образом. Двенадцать раз пропеваемые «Блаженные» он заменил псалмами, поскольку был убеждён, что монахи и так знали их наизусть, в отличие от песней Царя Давида. Ещё он распорядился по окончании молитвословий петь величание Святой Деве. И говорил: «Искусно созданное творение для царя земного должно украшаться и обрамляться золотом. Песнь Богородице – это то, что украшает наши гимны Царю Небесному».

38. В дни праздников великих святых, если они выпадали на вторник или четверг, монахам разрешалось вкушать половину порции гарнира (condiment) с двумя чашками эля или молочной воды. Сам Маэлруайн принимал решение о выборе напитка. Количество подаваемого питья обозначалось ирландским словом *cingit*, но не понятно, какой объём он занимал.

39. Пока Маэлруайн был жив, в Таллагхте никто не выпил и капли пива. Когда монахи путешествовали по земле Тир Хуалаинна (Tir Chualainn) – регион вблизи Таллагхта – или недалеко от монастыря, они строго хранили запрет своего отца. И только если им случалось оказаться очень далеко от Таллагхта, они могли, в случае предложения, вкушать пиво.

(Несколько противоречивая информация из пунктов, следующих один за другим, об отношении к пиву. Вероятно, под «элем», упоминаемым в пункте 39, следует понимать очень лёгкий хмельной напиток или что-то иное. – А.Ш.)

40. Пока Маэлруайн был жив, в Таллагхте никто никогда не вкушал мяса, кроме гостей. Если они высказывали пожелание, то им подавали оленину или мясо дикого кабана. Однажды Дубхлитир решил просить Маэлруайна о позволении монахам выпить пиво на три Великих праздника года. *(Праздники не называются. – А.Ш.)* «Мои монахи, – ответил Маэлруайн, – покуда находятся в этих краях и живут по моему уставу, никогда не станут пить того, что влечёт забвение Бога». На что Дубхлитир сказал: «А мои пьют пиво и войдут на Небо вместе с твоими иноками». «А я в этом не уверен», – заметил Маэлруайн. И потом продолжил: «Никто из моих учеников, соблюдающий все правила, не будет испытывать необходимость огненного очищения перед Судом, так как они уже будут чисты. Другое дело – твои братья. Им суждено пройти огненное испытание». *(Интересно, что на полях рукописи переписчик делает ремарку от себя: «Дубхлитир никогда не встречался с Маэлруайном лично. – А.Ш.)*

41. Один человек из Дейзи (Déisi) – графство Уотерфорд (Co. Waterford) – епископ по имени Каинхомрак (Cainchomrac – епископ из монастыря Финглас (Finglas) †791) был духовным наставником Дубхлитира. Однажды вечером они наблюдали, как монахи работают на поле возле стен монастыря. Нищая женщина подошла к ним и стала настойчиво просить разрешения вступить в число монахинь, находившихся под опекой обители. Уставший и рассердившийся от этих просьб Дубхлитир воскликнул: «Ступай немедленно отсюда прочь!»

(*Буквально, и на это указывает комментатор, он произнёс: «bad cess to you» – ирландское проклятие: «да ниспадёт на тебя зло». – А.Ш.*). Услышавший такие слова епископ Каинхотрак распостёрся на земле, потрясённо проговорив: «О, ужас! Что ты сейчас совершил. Зачем так набросился на несчастную женщину?» Дубхлитир тоже пал ниц и взмолился: «Дай мне наказание, которое понесу ради этой отверженной». Епископ ответил: «Ты примешь её в число набожных женщин. (*В тексте: «woman and to God», то есть не монахинь, как было выше, а, скорее, женщин из Céli Dé, или послушниц. Монастырь, о котором идёт речь, был, возможно, смешанный. – А.Ш.*) Кроме этого, ты дашь ей дойную корову, одежду, так чтобы она могла существовать без помощи других монахинь. Она будет жить по статусу как монахиня, но не примет монашеского пострига. (*То есть социально будет защищена, но не свяжет себя обетами и послушанием. Оригинальное наказание за грубость. – А.Ш.*). Дубхлитир ответил: «Конечно, я выполню всё предписанное тобой».

42. Маэл Дидхруиб имел обычай петь: «Святой Михаил, молись за нас, святая Мария, молись за нас», – между каждыми двумя псалмами, когда вычитывал Псалтырь. Ещё он добавлял имя святого, чей день праздновался. «Святой Патрик, молись за нас» (Sancte (sancte) Patrice, ora pro nobis), если это был день Патрика; «Святая Бригида, молись за нас» – в день Бригиды. И так было с каждым святым, чей праздновался день.

43. Монахам разрешалось вкушать три раза по маленькой мере, которая называется «бохтан» (bochtan – ирл.). (*Один «бохтан» равен объёму 12 пустых куриных яиц = грамм. Три бохтана, соответственно, 180 граммам, 1 – 60 граммам пива с половиной порции кондимента (кондимент (condiment) – это,*

собственно, не основное блюдо, а именно «закуска», гарнир. Например, зелень, хлеб с маслом). – А.Ш.) по Великим праздникам. Но вечером перед вторником, четвергом пятницей и воскресеньем масло не добавлялось в приготовленную пищу, даже если это были не дни Великого Поста. И вечером накануне праздника они не вкушали молочную воду, а также пиво. Им разрешалось готовить кашу из муки и воды. Она готовилась в количестве одного сингида (singit), и Маэлурайн разрешал пить (то есть речь идёт о жидкой каше. – А.Ш.) её медленно, глотками, а не залпом. (Переписчик замечает, что «сингид» – скорее всего, некий мерный сосуд, но объём его не указывается. – А.Ш.)

44. Однажды Маэлурайн сказал Маэл Дидхруибу: «Если мне подадут чашу с водой для утоления жажды, то я не стану жадно пить, но сделаю несколько маленьких глотков». «Но большой глоток быстрее насытит страждущего», – возразил его собрат. «Но я бы, – ответил Маэлурайн, – всё-таки советовал пить воду небольшими порциями. Так человек утолит жажду и не предастся чувственному наслаждению».

45. В его обычае было добавлять четвертую часть воды в свежее молоко. Молоко кипятили и, когда оно вскипало, вливали воду. По воскресеньям, до полуденной службы (то есть после утренней мессы – А.Ш.) монахи получали морсел (небольшой кусочек) от разломанного хлеба и воду. После обеда им разрешалось взять другую часть от того хлеба с ложкой мёда, если Господь посылал его им.

Накануне праздника, после полудня в сам праздничный день им разрешалось три бохтана (180 грамм) пива с кондиментом и ложка мёда, если готовили кашу (porridge). Они не ели ливер, околопочечный (suet) жир, а также жир, что стекал во время жарки мяса на сковороде. Не вкушали жир свиной и

овец. Ели рыбу и дичь: птицу, оленину или кабана, если Пост. Монахи пили и неснятое молоко (сливки – buttermilk), но «я никогда (*замечание переписчика – А.Ш.*) не слышал, чтобы это происходило при жизни Маэлруайна».

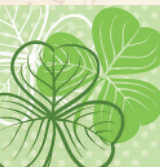
46. На того, кто из-за обильного питья и чрезмерного вкушения пищи начинал испытывать приступы рвоты, налагали недельный пост. Ему позволялись только хлеб и вода. Если кто-то изрыгивал Святое Причастие, то наказание составляло 40 дней строгого воздержания. В случае болезни, вызвавшей тошноту после Причастия, для покаяния отводилась одна неделя. Если человек изрыгивал Причастие в огонь или текущую воду, то епитимья заключалась в прочтении им ста псалмов. (Переписчик добавляет: «Думаю, что псалмы дополняли и вышеопределённое воздержание».)

Случись такая тошнота в месте, где обретались охотничьи собаки или простые псы, которые съедали извергнутое, то на повинного человека накладывалось взыскание в 100 дней поста.

47. Маэл Дидхруиб говорил Маэлруайну: «Всё же я думаю, что пить воду маленькими глотками неправильно». «Бог знает, – ответил ему Маэлруайн, – но мне кажется, испытай я сильную жажду, пить залпом было бы ошибочное решение». (*Любопытно, что этот пункт возвращает к прерванному диалогу относительно размеров глотка, и переписчик делает в тексте свою ремарку: «Сильная жажда вынуждала Маэл Дидхруиба пить залпом», – словно оправдывал его упорство. – А.Ш.*)

48. Во время Великого Поста по вторникам и четвергам монахи получали по небольшому куску рыбы в качестве лёгкой

закуски, если не было никакого другого кондимента. Любой, кто вкушал что-то в неположенное время, подвергался наказанию в виде поста. *(Из контекста не ясно, о каком «посте» в этом случае идёт речь. – А.Ш.)* Я читал в Книге Покаяний (Penitential), что за это прегрешение следует накладывать пост на хлебе и воде. А тот, кто из чревоугодия позволял себе вкушать жир, мясо или сало, должен наказываться постом в течение двух ночей на хлебе и воде.

49. Человек, разделявший трапезу за одним столом вместе с отлучёнными и знавший об их отлучении, наказывается 40-дневным постом на хлебе и воде.

50. Маэлруайн не слишком одобрял трату времени на музицирование. Один анахорет из местечка Дескерт Лаиген (Descert Laigen) прекрасно играл на инструменте, что называли «вольтинка». *(Переписчик ставит слово piper в кавычки и делает замечание, что речь идёт, возможно, о дудочке или свирели. – А.Ш.)* Анахорета звали Корнан (Cornan), и он был любим Богом. Однажды Маэлруайн, желая выразить своё почтение и предлагая дружбу, отправил ему подарок. Монахам-послушникам, доставившим этот дар музыканту, Корнан сказал: «Передайте вашему отцу, что я с радостью и любовью сыграю ему любую музыку, что он пожелает». Узнав про это, Маэлруайн произнёс: «Передайте Корнану: эти уши не возрадуются всей музыке мира, покуда не услышат блаженной музыки небес». *(О Корнани ничего не известно, – добавляет составитель устава. – Само его имя – игра слов, так как corn означает «свирель». – А.Ш.)*

51. Миряне, повинные в плотских грехах, у которых были дети, каялись семь лет. Человек, совершивший убийство и проливший невинную кровь, семь лет пребывал в строгом покаянии. Столько же должны были каяться те, кто впал в плотские грехи

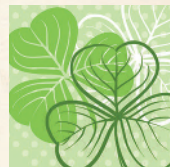
будучи в священных зданиях, храмах или, будучи свидетелями, не остановили преступников. Они получали такое же наказание.

52. Маэл Дидхруиб сомневался относительно длительности покаяния, равного для людей, совершивших различные по степени тяжести грехи. Его интересовало, нужно ли нести наказание в течение 7 лет или можно сократить срок в зависимости от тяжести совершённого преступления. Он считал, что можно тем людям, которые приговорены к семилетнему наказанию, поститься трижды по 40 дней на хлебе и воде, без молока и молочной воды. Единственным послаблением была пшеничная каша по Великим праздникам и воскресным дням.

53. Монахи монастыря не оставляли положенных крестных бдений (the cross-vigil), кроме как одного из вечеров восьми праздников. Ими совершалось непременно не менее 200 prostiraniy на полу (prostrations daily), пока не приходило время приступать к какой-нибудь работе. Когда же они работали, то должны были вычитывать трижды по пятьдесят (псалмов. - А.Ш.). Если эти prostiraniya совершались за церковную общину и как часть покаянного взыскания, то их количество распределялось так: сто за общину и сто в счёт наказания. Если кто-то хотел совершать prostiraniya и за себя лично (по своим причинам. - А.Ш.), то необходимо было совершать 200 положенных выше и потом уже 100 собственных.

54 а. Не умеющий читать должен был заниматься рукоделием.

54 б. Человек, несущий семилетнее покаяние, допускался к Святому Причастию на половине своего пути, то есть через 3,5 года, за ночной мессой. Но если его раскаяние оказывалось только внешним и неискренним, то срок откладывался

до семилетнего рубежа. В случае неложного покаяния ему разрешалось причащаться во вторые 3,5 года.

55. Монахи Маэлруайна, по установленному обычаю, постились накануне первого воскресения каждого месяца. Не вполне ясно, был ли это строгий пост на хлебе и воде или они всё же получали бохан (60 грамм) молока с водой во время обеда. В любом случае это не мог быть чёрный пост (black fast), то есть полный отказ от пищи, который там не практиковался.

56. Маэлруайн запрещал служить мессу священнику, впавшему в осквернение. Но если обвинения в адрес согрешившего священника были малоубедительны или ложны, он не препятствовал в священнодействии.

57. Маэлруайн одобрял и поддерживал кающихся грешников, которые принимали решение более не согрешать и отказавшихся на время несения покаяния от семейных, супружеских и прочих связей с миром. *(Речь, по-видимому, идёт о поселявшихся на время в монастырь «кающихся мирянах».* – А.Ш.)

58. Маэлруайн был очень осторожен и внимателен, когда была необходимость принимать решения о помощи больным и глубоким старикам. Он знал, как тяжело им в этом состоянии нести труды покаяния, исполнять какую-либо работу и проводить время в церковных бдениях. Самое сложное для таких людей было соблюдение постов, особенно если сердца их ещё не окрепли, а они причастны ко греху святотатства или другому преступлению. Очень трудно в таких случаях провести черту между их бедностью и грехом, к которому подталкивала нищета. Как просить о посте тех, кто вообще вынужден голодать? Они могут умереть, если откажут себе в

том, что делают постящиеся: не станут пить молоко, есть мясо или сало, случись что те окажутся вообще в наличии у них.

Он полагал, что их послушание может ограничиться рукоделием без всякого соблюдения поста. Или же пусть они постятся по собственным силам и усмотрению.

(Поразительные по глубине этические рассуждения фиксировались «Уставом». Слово это прямая речь святого в виде вставки. – А.Ш.)

59. Любой, кто взирал на женщину с непристойными мыслями и ловил себя на нечистых желаниях или словах, подлежал покаянию, по правилам Маэлруайна, сроком на одну неделю. *(У переписчика в этом месте следующая ремарка: «Следует из этого параграфа, что сам Устав записывал Маэл Дидхруиб – ученик Маэлруайна». – А.Ш.)*

60. Монахи, что никогда не вкушали мяса, тем не менее, имели разрешение на один морсел (morsel – небольшая часть, кусочек) мяса в день Святой Пасхи, а также во время голода или отсутствия какой-либо другой пищи. Те из них, кто отказывались от этого морсела мяса, не имели права на вкушение мяса вообще до следующей Пасхи. *(Следующий параграф даёт некую расшифровку этого «тёмного места». – А.Ш.)*

61. «Я слышал, – сообщает автор книги (речь идёт о Дидхруибе. – А.Ш.) – что, когда Устав начал раскачиваться в Терригласе (Terryglas – дочерняя обитель Маэлруайна) (то есть подвергся некой редакции, стал терять авторитет. – А.Ш.), монахи заимели привычку в полдень Святой Пасхи отпрапляться из Церкви прямо на кухню. Там они вкушали по одному морселу мяса, дабы в наступившем году не

случалось голода. Считалось, что если в этот Пасхальный день не попробовать мяса, то до следующей Пасхи к нему нельзя будет притронуться. (*«Раскачивание Устава», таким образом, привело к формированию нового любопытного ритуала с явственным суеверным подтекстом. – А.Ш.)*

62. Истинно и глубоко воцерковлённые люди (*то есть Céli Dé, монахи Таллагхта и т.п. – А.Ш.)* не употребляли за трапезой травы, сорванные в воскресенье, не ели хлеб и кашу, приготовленные в этот Святой день.

63. Миряне, что обращались за духовным руководством, должны были воздерживаться от супружеской близости со своими жёнами ночью по средам, четвергам и субботам. Если же они воздерживались по воскресеньям и в дни месячных своих супругов, то это похвально, поскольку соответствовало учению Петра, как оно изложено в «Книге Климентя» (*Liber Clementis*). (*Очевидно, речь идёт о знаменитом и широко используемом произведении святого Климентя Александрийского «Строматы» или о неких трудах святого Климентя, папы Римского (+101). – А.Ш.)*

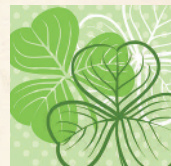
64. Обычным делом было принятие решения об освобождении братии от ночных бдений. Делалось это по просьбе епископов, достойных людей, если речь шла о праздновании дня великого святого и не приходилось на время Великого Поста. Но сама просьба об этом послаблении должна была поступить от епископа в надлежащее время, и учитывалось достоинство тех, ради кого её удовлетворяли. (*Переписчик добавляет: «В подобных случаях бдения совершались частным образом», то есть монахи молились по своему усмотрению в келиях. – А.Ш.)*

65. Маэл Дидхруиб однажды спросил Маэлруайна: достаточно ли будет ему вычитывать положенные пятьдесят псалмов, если он ещё занят различными наставлениями братьев. Маэлруайн ответил, что вся Псалтирь целиком – требуемое количество молитв. И добавил: «Монах, что трудится серпом и молотилкой, бьёт по наковальне, роет канаву, должен непрестанно читать трижды по пятьдесят псалмов, и никто не может вкушать ужин, пока не прочтёт положенное. Они прикладывают молитвы к своим трудам, и ты разумей, сколько псалмов должен, как и они, вычитывать ежедневно».

66. Тех, кто просил молиться за них, Маэлруайн обычно благословлял, наставляя: «Сначала вы должны молиться за нас, и тогда мы станем это делать за вас, так как в нашем обычае возносить молитвы за всех, кто возносит за нас, даже если мы не знаем пока их имён». Маэл Дидхруиб во время мессы обычно молился за всех благословенных, чтобы они, в свою очередь, молились за него. Он считал необходимым поминать всех, кто молится за монахов.

67. Мак Ойге из монастыря Лисмора (Mac Oige of Lismore) однажды спросил: «Что самое важное для церковнослужителя?». Маэлруайн ответил: «Думаю, что наиболее ценное – это выдержка и терпеливость. Я, – продолжил отец, – знаю, что о милостивом человеке могут сказать с усмешкой: «Да какой он добренький, знаем»; о смиренном: «Что там за смирение? – притворство, и посты его лишь видимость». Но я никогда не слышал, чтобы говорили: «О, этот монах слишком терпелив и переносит гонения за свою выдержку».

(Мак Ойге был настоятелем монастыря святого Мочуту в Лисморе и умер 3 декабря 753, согласно Анналам (*The Annals of Inisfallen*). Его обитель являлась одним из центров южного

крыла движения *Céili Dé* и приобрела общеевропейскую известность, благодаря огромному скрипторию. Существовал ещё один *Мак Ойге*, настоятель *Таллагхта*, почивший в 875 году. – А.Ш.)

68. Одна знатная женщина из восточных земель спросила однажды святого Фурсу: «Скажи, кем ты себя чувствуешь?». «Я, – ответил Фурса, – подобен старому кузнецу с наковальней на спине». «Что такое наковальня веры?» – спросила женщина. «Смирение и чистота», – сказал святой. «А если Бог дал для твоей наковальни подножие, снял с твоей спины, ты бы остался подле неё?» – задала другой вопрос женщина. «Да, – сказал Фурса, – остался». И тогда она пожаловала ему землю, где он после и прожил долгую жизнь.

(Кельтская Церковь знает немало святых по имени Фурса. Наиболее известны:

святой Фурса (Фурсей) – миссионер, умерший в 650 год, и святой Фурса Благодетельный, живший в 8 – 9 веках, память 16 июня. Переписчик на полях оставил ремарку: «Фурса старше Маэл Дидхруйба, которому пересказывает эту историю составитель Устава». Видимо, этот эпизод из жития почитаемого ирландского святого помещён в текст Устава для подкрепления мысли о необходимости постоянного нахождения монахов в стенах обители, а не «странствий по миру». – А.Ш.)

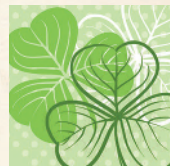
69. По закону *Маэлурайна*, священник, согрешивший против телесной чистоты, никогда не мог стать епископом. Имевший печать такого греха епископ не имел права совершать святую мессу, и собратия, знавшие о согрешении их пастыря, никогда не станут слушать его слова и не подчинятся его власти, даже если он принесёт покаяние. Такому священнику

Маэлруайн разрешал причащаться только во время строгого периода поста и раскаяния.

70. Убийцы, намеренно пролившие кровь, согласно правилам Маэлруайна, никогда не могли стать священниками. Он считал, что те, кто виновен в кровопролитии, не имеет права приносить бескровную жертву Богу. Таковые могли оправдаться другими делами и, не принимая священнический сан, через покаяние, причащаться Христовых Тайн.

71. Он (Маэлруайн) считал, что тот, кто собирается совершить доброе дело и даёт кому-либо об этом обет, должен произнести своё обещание в присутствии того, кому оно даётся. Некий мирянин пришёл к Мохолмок Уа Литаину (Mocholmoc Ua Litain) за духовным советом. Тот спросил у пришедшего: «Каково твоё нынешнее положение? Живёшь ли ты как женатый человек?» – «Нет, – ответил мирянин, – уже три года, как ничего общего я не имею со своей супругой». Святой человек заметил на это: «Три года. Ты очень долго ходил и думал, прежде чем обратился к Богу. Если даётся обещание Господу, то лучше, если оно сделано под руководством духовного наставника».

(Комментаторы, в частности, О'Оуер, предполагают, что речь идёт о святом Колмане Уа Литаине (st. Colman Ua Litain) – ученике святого Молинга (st. Moling), умершего в 697 году, – который был монахом Лисмора (Lismor) и скончался в 731 году. В любом случае это не очень ясный фрагмент. Возможно, какая-то часть беседы между Мохолмоком и безьямянным мирянином потерялась. Из контекста вытекает, что, расставшись с женой, этот человек собирался принести монашеские обеты, но не сделал это как положено, то есть в присутствии свидетеля – духовника, и вообще не спешил с ними. – А.Ш.)

72. Если день памяти святого, будь то, к примеру, святой Каиннех, случался в воскресенье, кроме великопостного времени, то монахи Таллагхта не совершали крестных бдений в 9-й час, ради чествования святого Каиннеха. Таков был обычай. Маэл Дидхруиб свидетельствовал, что в общине Таллагхта не вкушали масло вечером субботнего дня, даже если совершалась тогда память свтого Каиннеха. *(Предположительно, речь идёт о святом Каиннехе из Агхобое, графство Оссори, память 11 октября. Англ.: st. Cainnech of Aghaboe, Ossory. - А.Ш.)*

73. Маэлруайн настаивал на том, чтобы те, кому был в качестве наказания за грехи вменён 2-х или 3-х летний пост, заключающийся в полном воздержании от мяса, соблюдали его. В случае же крайней необходимости им разрешалось послабление, но следовало отказываться от вкушения ливера, жира со сковородки и бекона, если была возможность выбора.

74. Он считал, что духовное руководство – дело очень непростое, и если наставник возлагает на своё чадо наказание, соответствующее тяжести совершённого греха, то повинный, скорее всего, не сможет в полной мере его понести. Но долги грешника лягут на самого духовника, если он откажется от определения наказания вовсе. «Есть такие, – говорил Маэлруайн, – кто саму исповедь считает достаточным наказанием. И лучше, если таковым просто давать советы, не накладывая епитимьи».

75. Элаир (Eláir) прекращал давать духовные наставления тем свои чадам, кто переставал прикладывать усилия в деле исправления своей жизни или утаивал грехи на исповеди. Он советовал всем, приходящим к нему, непрестанно искать себе в духовники монахов совершенной жизни, а сам старался избегать общения с теми, кто просил, но не выполнял его со-

ветов и указаний. (Переписчик даёт единственное пояснение: «Элаир – ирландец».)

76. Маэлруайн разделял такую практику Элаира. Даже своего ученика Маэл Дидхруйба он поначалу не хотел принимать под личное попечение. Ему было необходимо выяснить, нет ли у того собственного наставника. И когда впервые Маэл Дидхруйб пришёл в Таллагхт, святой сказал: «Мастера-кузнецы и плотники не любят, когда их подмастерья уходят в поисках другого учителя себе. И сомневаюсь, что твой духовник обрадуется, узнав про твой переход ко мне».

На это Маэл Дидхруйб ответил: «Мой учитель дал согласие, и потому я здесь». Его наставника звали Эадхуидх (Eachdghuidh). С тех пор Маэл Дидхруйб стал послушником Маэлруайна. (*Переписчик замечает: «О прежнем наставнике мне ничего не известно».* – А.Ш.)

77. И вот Маэлруайн говорит ему: «Первый год, что ты проведёшь под моим руководством, будет годом очищения. Тебе придётся трижды по сорок дней оставаться на хлебе и воде, лишь по воскресеньям вкушая один глоток молока (mouthful milk), а также сыворотку с водой Великим Постом. И ещё знай, что придётся бороться, как с огнём, с искушением бегать в поисках нового духовника. Оставайся стойким, ибо огонь этот не пощадит».

78. В обители Таллагхта было принято совершать праздничную службу отдельно от обычной службы дня, которая совпадала с праздником. И служили в такой день две мессы: отдельно – празднику и отдельно – рядовую.

79. Монахи не оставались ночевать в храме. У них был следующий обычай: два инока пребывали в церкви до насту-

пления часа бдений (vigils) и вычитывали 100 и 50 псалмов (*то есть Псалтирь. – А.Ш.*). Во время бдений их заменяли двое других, которым по завершении службы предписывалось оставаться в храме, читая Псалтирь до утренней молитвы (*то есть – остаток ночи. – А.Ш.*). После чего они отправлялись спать вплоть до третьего часа. (*Переписчик не указывает, но логично предположить, что их заменяли другие, совершающие уже утреннюю мессу. – А.Ш.*)

80. Во время трапезы, так установили в Таллагхте, один из монахов читал Евангелие, Правила или Жития святых вслух вкушающей ужин братии, дабы внимание иноков не задерживалось на том, что именно они едят. Читавший сам обедал прежде, в девятый час. На следующий день каждый монах должен был рассказать о выслушанном им накануне.

81. Маэл Дидхруиб однажды сказал Маэлруайну: «У меня с давних времён есть четыре сильных желания. Первое: Я бы хотел получить возможность найти и прочитать все священные книги, что когда-либо были привезены в Ирландию. Второе: я хочу подвизаться в обителях, где живут святые люди, получить их благословение и прислуживать им. Третье: мне необходимо иметь твою дружбу и расположение монахов из числа тех, что доступны для беседы, и тех, кто пока не разговаривал со мной (*Здесь переписчик делает помету: «Я не вижу ещё двух желаний Маэл Дидхруиба». – А.Ш.*).

Маэлруайн ответил ему: «Наш почтенный духовный старец Фер Да Хриг (Fer Dá Chrich) обычно говорил, что «следует быть милостивым и благосклонно принимать добрые намерения монахов, заслуживающие награды».

(Составитель комментария к Уставу даёт следующую информацию: «Фер Да Хриг, рождённый в Дайре Эйднех (Daire Eidnech), или Дайре, как это место стали называть позднее, был аскетом и настоятелем монастыря Даиринис (Dairinis), что находился на маленьком островке в устье реки Блэкватер (Blackwatter). Эта обитель имела большое значение в движении Сели Де (Céli Dé), и считается, что Маэлруайн изучал там правила и практику древнего монашества. В одном источнике сообщается, что Фер Да Хриг был даже его дядей. Умер в 747 году.)

82. Пищу, принесённую в воскресный день, согласно их монастырскому порядку, не разрешалось вкушать за трапезой. Тому, кто из братии смущался отказать человеку, принесшему в монастырь еду, из нежелания обидеть дарителя, разрешалось её принять, чтобы раздать бедным. *(Таким образом, в воскресный день монахи не только не готовили, вкушая приготовленное накануне, но и отказывались от приношений себе лично, раздавали эти дары малоимущим. – А.Ш.)* Маэлруайн считал, что из почтения к Дню Господню бичевание (здесь латинское flagellatio, подразумевает не «хлестание плетью», а аскетические практики «умерщвления плоти»: пение стоя по шею в воде, многочисленные земные поклоны, полное воздержание от пищи и т.п.) следует совершать по субботам. «Ибо, – говорил он, – если люди окрестных церквей и жители сёл узнают о нашем бичевании в воскресенье, то решат, что для их работ в этот день нет ограничений. Так, предпочтительней будет вечер субботы».

83. Согласно Уставу Маэлруайна, стрижка волос (выстригание тонзуры) совершалась в последний четверг каждого месяца. Если, по какой-то причине, монах не мог это сделать, то стрижку переносили на пятницу или даже субботу.

В случае невозможности совершения стрижки и в означенные дни её совершали уже в последний четверг следующего месяца. *(В общей сложности, три дня давались на ежемесячное тонзуирование, без комментариев, где и кто производил это действие. – А.Ш.)*

84. Десятину засчитывали следующим образом: Все домашние животные, которыми владел человек, проводились через канаву (driven through), и каждое десятое создание (буквально: бестия (beast)) должно было отдаваться Богу, кроме быков. Их не пересчитывали, ибо за них десятина бралась работой, то есть десятой частью собираемого урожая зерна. Её собирали так: каждую десятую телегу с зерном отдавали Церкви те христиане, что были к ней приписаны, либо это зерно раздавали нищим.

85. Человек, не присутствовавший на мессе в воскресенье, должен был, в наказание, трижды прочесть стоя по пятьдесят псалмов – в ограниченном пространстве (*келли. – А.Ш.*), с закрытыми глазами. *(Переписчик сообщает: «Я не уверен, что речь идёт о Псалтири, может быть, это были другие молитвы». – А.Ш.)*

С момента рукоположения в священный сан человек не мог вкушать свинину, точнее, «жир бекона» – fat of bekon, жир овцы (or mutton), ливер или мясо другого животного. Ему разрешалось есть лосося. Я слышал, как Ку Эахдге (Cu Eachdge) говорил, что вышеупомянутые разновидности мяса ему запрещались в течение 8 лет, и вообще даже в Пасху никто не вкушал их.

86. Прежде чем отойти ко сну, Маэлруайн пропевал гимн святому Архангелу Михаилу и Песнь Пресвятой Богородице, когда просыпался утром. После того, как он вставал с постели,

вновь возглашался гимн святому Михаилу и Пречистой Деве. Они назывались им «Очарование святого Михаила и Марии» (Буквально в тексте: «Charm of saint Michael» and the «Charm of Mary»). В полдень отец пел гимн Михаилу и гимн Dicat («Да речет») после «Блаженных». Это происходило и в воскресный вечер. Он совершал сто земных поклонов и крестных знамений, произнося «Блаженных» и распевая другие молитвы. На каждом крестном знамении он пел гимн Михаилу или Пречистой, чередуя их друг за другом.

87. В будни Великого Поста никакого погружения в жидкость (буквально: «Steeping») не совершалось. (Комментатор Устава оставляет ремарку: «Не знаю, о чём здесь идёт речь. Возможно, дело касается варки каши или приготовления капусты». – А.Ш.)

88. В рукописи этот параграф отсутствует.

89 а. Он (в данном случае речь идёт о вышеупомянутом Ку Эахдге из параграфа 85. – А.Ш.) был недоволен тем, что братия Таллагхта, в дни, когда было разрешено некоторое послабление, а именно по вторникам и четвергам, даже если случался праздник, а также и в день воскресный, вкушали за трапезой рыбу.

89 б. Они имели обычай во время трапезы читать Четвероевангелие в течение всего года. На каждый сезон по одному. Весной читалось Евангелие от Матфея, летом – Марка, осенью – Луки, а Иоанна читали зимой.

90. Маэлруайн имел обычай совершать крестное бдение (cross-vigils) ежедневно, во время службы третьего часа. Далее следовала заупокойная лития, «Блаженны», во время которого он повторял крестное бдение, после чего Гимн Dicat и Unitas.

Им пропевались псалмы. Три части Псалтири, по 50 в каждой. Во время первой с крестным бдением и в конце второй полу-сотни, после чего добавлялся Cantemus. Третье крестное бдение приходилось на Domine Probasti («Ты явил»), но здесь чередовались Гимн Марии с Гимном Михаилу. Последнее, четвёртое крестное бдение сопровождалось 30-ю «Отче наш». После пения «Блаженных» следовал Гимн Михаилу, который он называл «блаженные Михаила» (Beati of Michael) и далее «блаженные Марии» (Beati of Mary). В конце дня он читал то, что называл «малые блаженные» («little Beati»), поскольку здесь опускались Cantemus и Unitas. Ещё он прочитывал Magnificat и Hymnum Dicat. На утренней молитве или на службе 1-го часа пропевался «Отче наш» и «Символ веры»: К гимнам Magnificat, Dicat и Unitas добавлялись молитвы ego vero orationem «я возношу молитву», а после «блаженных» на утрени прибавлялись Averte faciem tuam.

91. После утренних молитв обычно пропевались три гимна. Когда читался вместе с крестным бдением Dicat («Да речет»), тогда же произносили «Ego vero» («Я же молитву вознесу») и «Отче наш». Затем следовало ещё одно бдение кресту «Помилуй» (Parce) и «Блаженны». Обычно он (Маэлруайн), прежде чем войти внутрь трапезной, кельи или школы (буквально: «lecture hall») и сесть там, осеняя себя крестным знамением.

(Довольно часто в один параграф переписчик помещает рассказ о событиях и практиках, внешне никак не связанных. Точно вынужден собирать разрозненные, но важные детали уклада монастыря Таллагхта, ради сохранения общей исторической ретроспекции. – А.Ш.)

92. Когда монахи входили в трапезную, бил колокол или кто-то, специально отправленный на кухню, ударял

ножом по тарелке, возможно, крышке кастрюли. Монахи пели «Отче наш», затем «Аллилуйя». (*Переписчик Устава делает вставку: «Мне кажется, что речь идёт о мерной, возможно, оловянной посуде, в которой помещались тарелки братии». То есть сами тарелки в Таллагхте могли быть деревянные или глиняные. – А.Ш.*)

93. Монах, который был старшим за трапезным столом («Я полагаю, речь о недельном дежурном», – замечает переписчик. – А.Ш.), исполнял обязанности распорядителя, то есть *Impanaire* (буквально: «благословляющего». – А.Ш.). Если к нему обращался младший брат за разрешением участвовать в трапезе, то другой инок, помощник старшего («Я полагаю, – пишет составитель, – это был приор»), отвечал вопрошавшему: «Позволено», – разрешая участвовать в трапезе. А старший говорил после этого: «Аминь». Танаисе (*The tanaise* – так в английском тексте выделено курсивом), второй по должности продолжал: «Пребудет с тобой Господь». Старший отвечал: «сеад», «пусть будет так». Танаис произносил: «*Benedic*» («благослови»). На что старший говорил: «Да пребудет с нами Бог». И танаис завершал всё словом «Аминь».

94. Во время трапезы никто из братии не разговаривал, кроме двух этих монахов. Они были старше и заслуженнее других иноков монастыря. Возглавлявший ужин разламывал сначала хлеб, и в ладонь каждого присутствовавшего им помещался небольшой кусочек от общего хлеба. Прежде чем съесть положенный в ладонь лакомый кусочек (в тексте буквально: «*this tiabit*»), монах должен был произнести «Отче наш». Это было первое, что они вкушали, садясь за стол. Когда наступало время благословить питьё, звенел колокольчик или ударяли ножом о посуду, после чего произносилось: «Все дела

Твоя восхвалят Тебя, Господи» и далее... (Перед благословением «питья» читался 144 Псалом. Что ели между «лакомым кусочком хлеба» и напитком – в этом параграфе не сообщается. Видимо, сами варианты пищи менялись, но порядок был выверен. – А.Ш.)

95. Между двумя Рождествами (то есть между Рождеством Христовым и Богоявлением) и двумя Пасхами (то есть между собственно Пасхой и Антипасхой) монахи не совершали крестных бдений (*cross-vigil*), а также не принято было между двумя этими периодами делать упражнения по умерщвлению плоти. (Здесь в тексте латинское *flagellationes*. – А.Ш.). Во время утренних молитв крестное бдение с пением гимна *Dicat* («Да речет») на эти дни также опускалось. Маэлруайн освобождал своих монахов от пения псалмов 9-го часа. Сам же в вышеозначенные периоды продолжал произносить 30 раз «Отче наш», не совершая никаких бдений.

96. Они (монахи) совершали крестное бдение уже утром следующего за Богоявлением дня, и в понедельник после Антипасхи, пропевая при этом гимн «Да речет» (*Dicat*). В их обычае было читать псалмы заступнические или просительные между двумя Рождествами и двумя Пасхами. Они не опускали их и во время от Антипасхи до Пятидесятницы. Вне зависимости от того, на какой день выпадал Праздник возвращения Христа из Египта (*The return of Christ from Egypt*), он всегда переносился на воскресенье. Мы не слышали, чтобы Маэлруайн запрещал совершать вечернее бдение в день праздника, даже если это случалось во вторник или четверг, потому что у Христа каждый день года праздничный. (Сноска комментатора: «Праздник «возвращения Христа из Египта» упоминается в *Мартирологии Оэнгуса (Oengus)* как приходящийся на 11 янва-

ря: «Великий сын Марии вернулся из Египта во славе и радости». - А.Ш.)

97. Между ужином и ночной молитвой, которая читалась непосредственно перед отходом ко сну, монахи произносили «Благословляйте» (Benedicite), уже после этого часа, то провинившийся должен был отслужить Фагд (Fagd) (вечернее правило), начиная от 4го псалма до «ныне отпускаеши». После чего можно было ещё раз просить благословения.

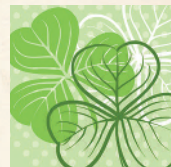
98. Какой бы сильной ни была жажда, нельзя было пить прежде утренней молитвы. Монахи могли вкушать воду между этой молитвой и мессой. (О какой мессе, дневной или вечерней, идёт речь – не понятно. - А.Ш.)

99. Маэлруайн пел псалмы следующим порядком: Каждые 50 делились на 4 части: с 1 по 14; с 15 по 26; с 27 по 38 и с 39 по 50. Далее: с 51 по 64; с 65 по 76; с 77 по 88; с 89 по 100. И заканчивалось так: со 101 по 113; со 114 по 125; со 126 по 138 и со 139 по 150. После первой части Маэлруайн падал ниц.

100. Он читал от заключительных псалмов одного раздела до псалмов другого, которые произносятся за субботним бдением, чередуя своё положение: то сидя, то стоя. (В параграфе № 36 на тему: каким образом следует читать Псалтирь, – сообщается о небольшой дискуссии. - А.Ш.)

101. Практикой произносить «Отче наш» Маэлруайн обязан святому человеку из Cill Uaithne, имя которого он не называл. Он читал эту молитву, прежде чем подняться и прежде чем сесть, на каждом разделе из 50-ти псалмов.

102. Маэл Дидхруиб заметил однажды Маэлруайну: «Мне говорили, что Дубхлитир (Dubhlitir), вычитывая 150

псалмов, стоя между каждым псалмом совершает простира-
ние на полу: Маэлурайн ответил: «Я бы не стал тебе советова-
вать поступать подобным образом. Это не наша традиция чте-
ния Псалтири». «А как следует делать?» – спросил его ученик.
«Есть два способа, – ответил Маэлурайн, – или совершать по-
клоны после всех псалмов или после каждой части из 50-ти». С тех пор Маэл Дидхруиб так и поступил. (*«Простирания» на земле, крестообразно раскинув руки, в тексте обозначено словом «genuflection», синонимичное «slectain», «prostration». – А.Ш.)*

103. Один отшельник, живший в Клонарде (Clonard), известный своим аскетизмом, совершал по двести поклонов во время утренней молитвы, по сто на каждый богослужебный час (имеется ввиду 1-й, 3-й, 6-й, 9-й часы), сто во время бдения, и всего 700 поклонов в день. Маэлураину рассказали об этом, и он заметил: «Помяните моё слово: Будет такое время, незадолго до его кончины, когда ни одного поклона не сможет положить этот аскет». Так и случилось. Из-за болезни ног он остался вообще недвижимым».

104. Большую ёмкость, в которой купались или просто мылись, нельзя было использовать для затворения пива, приготовления мяса или каши. Она должна прежде быть отправлена в кузницу и тщательно, трижды, по всему своему объёму, простукана молотком кузнеца. Правило это ныне никто не соблюдает. (*Последнее предложение – возможно, вставка позднего переписчика, с грустью наблюдавшего за переменами в Таллагхте. – А.Ш.)*

105. Маэлурайн очень неохотно принимал дары от мирян. Другие делали это, чтобы разделять эти приношения среди бедняков, зная, что сами миряне на такое не способны.

Многие думают, что достичь неба можно, одаривая своего духовника, словно подарок решает проблемы. Для тех, кто хочет быть совершенным (как Маэлруайн), лучше «не принимать дары». *(Последняя фраза «не принимать дары», по мнению комментатора, поздняя вставка. – А.Ш.)*

106. Если кто-то, вдруг, озлоблялся на собратьев-монахов, и это проявлялось, они налагали на него проклятие. *(Переписчик замечает: «Не представляю себе, о каком проклятии идёт речь». – А.Ш.)* Если собрат оскорблял в гневе брата, на него накладывался пост. Маэлруайн считал, что обидчик должен просить прощения у оскорблённого им, даже если это не член общины.

В нашем церковном этикете принято задавать вежливый, но уже вполне формальный, то есть не требующий ответа вопрос: “Как спасаетесь?” – “Вашими молитвами”, – можно услышать от собеседника. Благочестиво, скромно, но, увы, бессодержательно. Во времена кельтов и бенедиктинцев христианам было о чём поговорить более предметно.

Устав
СВЯТОГО
Мочуту
(святого Кортага)

Остатки Кельтского монастыря X–XII вв.
Южная Ирландия. Фото автора

Велика была слава Рохана,
но слава Лисмора затмила его...

«*Indarba Mo Chuta a r-Raithin*»
«*Изгнание Мочуту из Рохана*»

Святой Мочуту (Mo Chutu mac Fínaill – ирл.), известный также под именем святой Кортаг Младший (Carthach the Younger, – латиниз. Carthagus, англ. St. Carthage) родился в богатой семье из графства Керри (Kerry), в Ирландии, около 555 года. Его духовным отцом был святой Кортаг Старший, монах, основавший один из десятков небольших монастырей в графстве, впоследствии принявший священство, – общая для раннеирландской Церкви практика: временное духовничество без сана.

В 580 году святой Мочуту принял монашеский постриг, ушёл в лесную пустынь, где построил келью, известную под названием Cell in Kilcallagh. Слава о его чудесах и подвижничестве стала быстро привлекать паломников и различных просителей. Кроме того, она стала причиной ревности и ропота со стороны неких двух безымянных епископов. Святой

благоразумно удалился из своего затвора и оказался в Бангоре (Bangor), где, судя по всему, встретился с одним из величайших послепатриковых святых Ирландии – святым Комгаллом (st. Comgall). Их общение стало причиной возвращения святого Мочугу в родное Керри, где он какое-то время занимался строительством новых храмов.

Около 590 года произошло другое важное знакомство. Дружба святых – вообще один из главных механизмов в истории Кельтской Церкви – стала причиной нового служения святого Мочугу. Он встретился со святым Колманом (st. Colman Eló) – одним из самых деятельных ирландских подвижников VI века. Они подружились, и святой Колман дал ему рекомендацию для князей Уи Неиллов (Uí Néill), владевших южными землями Зелёного острова.

Почти сорок лет святой Мочугу прожил в Рохане (Rohan, ирл. Rathán), графство Оффали (Offaly), – в монасты-

IS ONÓRACH AN CHATHAIR

LIOSMOR MOCHUDA

Lismore

ре, насчитывавшем около тысячи монахов.* Святой стал за эти десятилетия очень почитаемым, сначала аббатом, а затем – и епископом графства. Многочисленные чудеса, помощь и забота о бедных, а также большая учёность, подкрепляемая мудростью и богатым личным опытом, привлекала тысячи простых христиан и раздражала десятки недоброжелателей. Для своих монахов святой Мочуту написал своеобразную «Книгу Правил» – метрическую поэму из 580 строк, разделённых на девять частей, – важнейшую литературную реликвию Кельтской Церкви.

В 635 году в жизни святого и его обители произошло чрезвычайное событие. Ирландская героическая сага, посвящённая случившемуся, называется «Изгнание Мочуту из Рохана» (Indarba Mo Chutu a – Raithin; англ.: “The expulsion of Mo Chutu from Rahan”).

Факт «изгнания» подтверждают Анналы Ольстера (Annals of Ulster), с конкретным уточнением, что событие это происходило в «пасхальные дни», которыми можно считать как Светлую Седмицу, так и вообще время от Воскресения до Троицы. Седьмой век для Кельтской Церкви стал столетием принципиальных уже не споров, а разделений. Вопросы о Праздновании Дня Пасхи, форме монашеской тонзуры и более второстепенных деталях, касающихся иноческих практик, привели к конфликтам. Святой Мочуту и последовавшие за ним 800 (!) братьев, в силу тесных контактов с континентальными аббатствами и, возможно, оказавшиеся в политической опале у королей Уи Нейлов, поддерживающих не римское, а кельтское, то есть ирландское, счисление Пасхи, покинули свою обитель. Их приютили короли династии Дейзи (Déisi) в

* Colson, John: “The Acta Sanctorum Hiberniae” houvain, 1645. Dublin. Stationery Office, 1948.

Лисморе, графство Уотерфорд (Waterford). Там святой основал новый монастырь, прожил ещё 3,5 года, совершил множество чудес, прославился добродетельным образом жизни, «даром слёз» и мирно скончался 14 мая 639 года. Память святого совершается в этот же день.* «Житие святого Мочуту» дошло в нескольких ирландских и латинских версиях, которые восходят к латинскому оригиналу 11-го века.

«Устав святого Кортага» (Мочуту) (The Rule of Carthage), вероятнее всего, не оригинальный текст VII века, а более поздняя, переработанная копия, принадлежащая перу монаха века 9-го. На это указывает как язык версии, так и прочитываемые идеи, присущие реформаторам Céli Dé. Ещё он напоминает континентальные уставы, в духе святого Бенедикта. Есть предположение, что его автором был известный учёный, священник-ирландец Футхад (Fothad na Canóine; англ.: Fothad of the Canon), умерший в 819 году.

Как бы то ни было, «Устав святого Мочуту» – уникальный документ Кельтской Церкви, времён её независимости и собственных духовных поисков, точнее, её выживания.

Он состоит из разделов, посвящённых не «вообще христианам», а верующим различных социальных слоёв общества. Автор начинает с общих для всех этических и духовных положений, после чего исследует каждую узкую тему, посвящённую конкретной группе слушателей. Обязанности епископа, аббата-настоятеля, священника, духовника-наставника, монаха, аскета Céli Dé – изложены исходя из значения того или иного

* Майлз Диллон и Нора Чедвик пишут: «Среди крупных ирландских монастырей Лисмор, на юге, основанный в VI веке Мо-Хутой, развил интересные интеллектуальные контакты с континентом. <...> Он процветал после кончины настоятеля, создавая славу раннего христианства (Ирландии)». Диллон М., Чедвик Н. Кельтские королевства. – СПб., 2002. – С. 213.

Святой Мочуту и
святой Патрик.
Барельеф на стене
Собора святого
Мочуту. XVI век.
Лисмор, Ирландия

места в монастырской жизни. Затем комментируется устройство и порядок в трапезной, рефектории (спальне) и, что несколько неожиданно, автор «устава», словно вернувшись к основному плану, принимается излагать обязанности короля, правителя, который, при всём своём «внешнем», то есть внемонастырском положении, включён в сферу «духовного надзора».*

* Текст «Устава святого Мочуту» обнаружен в ряде манускриптов:

1. Британский музей. British Museum, Additional 30512;
2. Библиотека Тринити Колледжа, Дублин, Н.1, 118;
3. Копия в Lebor Brecc, the Library of the Royal Irish Academy, 23 № 10;
4. В «Жёлтой Книге из Лекана», в Library of Trinity College, Dublin, Н. 2. 16;
5. В «Коллекции Мерфи». The Murphy Collection of St. Patrick's College, Maynooth (a copy of RIA 23 № 10).

Предлагаемый ниже текст «Устава» переведён с английского варианта латинской версии, помещённого в издании:

«The Celtic monk. Rules and writings of Early Irish monks». Uinsean O Maidin Michigan. 1996. – С. 59-73.

Общие суждения

1. Вот путь, что приведёт человека в Царство Господа Иисуса Христа. Он начинается с любви к Богу, в сердцах и делах.

2. Люби Господа всею силою, и никогда радость не оставит тебя. И ближнего люби, как самого себя.

3. Почитай Великого Творца, не кланяйся идолам и не дерзай оскорблять Господа безумной своей гордыней.

4. Почитай своих родителей, ибо такова воля Отца Небесного. Уважай всех пожилых и немощных в старости лет.

5. Проявляй почтение к празднованию субботы, дня Сына Пречистой Девы Марии. Не кради, не проливай кровь и не покушайся на убийство.

6. Не замышляй зла против мира вокруг тебя. И не спеши ради ложного благосостояния предпринимать что-либо. Не лжесвидетельствуй и не причиняй кому-либо скорбей.

7. Чтобы войти в Небесное Царство, твори добро людям столько, сколько ты хочешь получить от них в этой жизни.

8. Не желай зла, ущерба и несправедливых дел ближнему, каких ты не пожелаешь себе во все свои дни.

Обязанности епископа

1. Если ты принадлежишь к числу епископов, то как участник уважаемого братства исполняй своё служение от чистого сердца. Будь вместилищем всего достаточного, честного, и пусть все, видя эти благодетели, подчиняются тебе.

2. Устанавливай мир среди верующих, усмирай царей и исправляй злые страсти, благоразумно используя свою власть.

3. В делах, что ведёшь с мирянами и клириками, являй себя добрым, милосердным и приветливым пастырем. Будь настойчив и постоянен в проповеди.

4. Сдерживай порочных, любящих творить злое людей и свидетельствуй о Господней Истине – это всё твои непрелюбимые обязанности.

5. Принимая священников, всегда являй себя человеком, знающим Священное Писание, ибо ничего не разумеющий в Слове Божьем не сын, но лишь пасынок Церкви.

6. Знай, что всякий не просвещённый Евангелием человек, не читающий Писание мирянин или клирик, – не истинный ученик и слуга Господа.

7. Ты должен всегда быть готовым осудить любую ересь и порицать всякое зло. Так что не дерзни допустить оказаться самому лично быть повинным в чём-либо. Будь то слово или дело.

8. Порочные люди не услышат твоих назиданий, не станут подчиняться тебе, если ты посрамляешь себя. Будь с ними мягким и снисходительным.

9. В Судный день, знай, ты ответишь за грехи своих пасомых и свои собственные дела.

Обязанности аббата

1. Великая милость – если ты настоятель монашеской общины, чудесно твоё предназначение, но ещё лучше, если ты станешь достойным сыном Небесного Царя.

Святой Мочуту.
Витраж в Соборе.
Лисмор, Ирландия

2. Защищай права всех монастырей. И больших, и малых.
3. Усердно и непрестанно проповедуй, ибо Христос заповедовал делать самому то, что требуешь от людей.
4. Люби души всех братий и прихожан, как любишь свою. Возвышай всякое добро и трудись, искореняя зло.
5. Пускай все видят твою учёность и мудрость. Нельзя их скрывать, как свечу под сосудом. Исцеляй ими своих монахов, будь они в силе или немощах.
6. Суди каждого проходящего человека согласно его рангу и делам. Делай это праведно, ведь им предстоит вместе с тобой явиться на суд Небесного Царя.
7. Ты отвечаешь за старцев, что склонились под тяжестью болезней и печалей. Поддерживай их, они будут призывать Небесного Царя потоками своих слёз.
8. Твоя же обязанность – наставлять юношей, оберегать их от греха и не допустить, чтобы дьявол выкрал их в свою обитель для погибели.
9. Ты должен благодарить Бога за каждого труженика, что пришёл и несёт послушание в Святой Церкви.
10. Упрекай, поучай и наставляй всех, кто в твоём попечении. Исправляй всех и вся. Особенно терпи одолеваемых страстями, строптивых и распутников.
11. От тебя ожидают терпения, смирения, молитву, постоянство, упорство, благодушие и примиряющее внутреннее спокойствие.
12. Учить народ Истине, воспитывать в единстве, праведности, искренности, миролюбии – трудная задача. Но она твоя.

13. Непрестанно проповедуй Евангелие для поучения и наставления всех людей и будь так же сосредоточен и ревностен в совершении Божественной Литургии.

14. Помни, что человек, не живущий так, как учит Святая Церковь, хотя уже и не друг Бога, но и не враг Церкви. Она не отворачивается, но исправляет его. Но тот, кто не делает всего вышеперечисленного, уже не служителем, а врагом Богу.

15. Он вор и разбойник, как сказал Спаситель. Он вошёл в Церковь через боковую дверь.

16. Он подобен грабителю, ненавистному врагу, что силою берёт Невесту Господа – Церковь.

17. Совершив насилие, он разоряет её. Враг Истины, он словно заговорщик, имеющий тайный план.

18. Вот моё суждение: такой настоятель никогда не достигнет земли Того, Кто дал ему жизнь. Не взойдёт на Небо.

19. Чадо Церкви да боится Христа. Никогда монах не сможет быть единого духа с нами, покуда не примет образом жизни этот устав.

20. Те же, что помышляют оскорбить Небесного Царя, готовят себе муки вечного ада.

Обязанности священника

1. Если ты принял священный сан, то будь ревност-

ным служителем. Никогда не лги. Велико твоё призвание: совершать святую Литургию и подавать Причастие верным.

2. Ты должен быть образованным пастырем. Но твоя учёность пускай будет строго ортодоксальной. Стремись познавать все каноны и церковные правила.

3. Стремись совершать таинство Крещения тщательно и законно, поскольку дело это великое. Почитай своего Соработника – Духа Святого.

4. Если тебе придётся причащать Святых Тайн умирающего христианина, то принимай его исповедь всегда без стыда и сомнений.

5. Из твоих рук человек принимает Святое Причастие, даже если и делает он это без всякого желания – не отказывай. Помни, что покаяние христианина ничего не стоит, если не ведёт к дальнейшему оставлению злых дел.

6. Если ты исповедуешь людей знатных, чиновников, духовенство, что само по себе важное дело, то будь приветлив и внимателен. Твоё доброе намерение должно отразиться в словах и делах.

7. Если же твои гости-исповедники – люди лукавые, злоречивые и коварные, то ты можешь отказать им в Причастии, покуда сам жив.

Обязанности духовного наставника

1. Если тебе положено Господом быть духовным наставником, то не отягощай душу пришедшего к тебе, не стань слепцом, ведущим слепца, и никогда не пренебрегай его печальми.

2. Пусть раскаивающиеся исповедуются тебе внимательно и усердно. Но не принимай их приношений (*буквально: «подаяния».* – А.Ш.), если они пренебрегают твоими советами и наставлениями.

3. Даже если ты станешь принимать их пожертвования, не позволяй им вовлекать себя слишком сильно в душевные переживания (*буквально: «Не разделяй их аффекта».* – А.Ш.). Пусть они будут словно огонь, извне опаляющий твоё тело.

4. Следи за тем, как они выполняют твои наставления, касающиеся поста и молитв. Помни, что тебе придётся платить за их грехи.

5. Наставляй неразумных следовать твоей воле и непусти им вступить на дорогу греха своим неудачным примером.

6. Не жалея других ради самообогащения. Твоя душа безмерно ценнее любого богатства.

7. Своими духовными дарами ты должен делиться с чужаками, странниками, какими бы они ни были. Облечённые властью или нет – все должны приниматься тобой. Как привечаются и бедные люди, от которых ты не ждёшь вознаграждений.

8. Всех, кто приходит к тебе, принимай вместе со старцами и вдовами. Я не обманываю тебя. Никого не предавай грешниками, у которых уже много богатств.

9. Оказывай помощь каждому приходящему по очереди. Тайно, так, чтобы не видели другие. Но делай это без хвастовства и гордыни, так как именно в этом заключена истинная добродетель.

←
Святой Мочуту. Современная деревянная статуя. Лисмор, Ирландия

10. Ты должен стать заступником. В каждый час, когда звонит колокол (*Одно из повреждённых мест. - А.Ш.*).

11. Когда ты читаешь часы, то поминай всех людей Церкви, а не молись за кого-то особо.

12. Месса (Литургия) должна совершаться непременно в особые дни: субботу и четверг. Но можно и ежедневно, дабы всякое зло было изгнано.

13. Совершай мессу и во все праздники. Особенно в день святых апостолов и мучеников.

14. Совершать мессу необходимо для христиан всех сословий и для всех впавших в отчаяние, каким бы малым или великим оно ни было.

15. Совершая мессу для каждого достойного, прежде чем ты сделаешь это для всех в общем (*Тоже повреждённое место. - А.Ш.*). Твоя заслуга будет велика до скончания века.

16. Приходящему к святой мессе мы предлагаем чудный дар. Для чего следует вздымать руки к Богу, проливать слёзы из самого сердца.

17. Нельзя шептать, зевать, но следует творить молитвы с кротостью, в молчании и с покаянием о прошлых, настоящих и будущих грехах (*буквально: «злых делах». - А.Ш.*).

18. Когда идёшь к Причастию, исповедуйся в грехах, и делай это с великим страхом, трепетом, примирившись со всеми близкими.

19. Твоё ежедневное правило должно состоять из 200 коленопреклонений с распеванием «Блаженных» и трёх кафизм Святой Псалтири.

Обязанности монаха

1. Если ты монах, то избегай зла, лжи, живи по уставу обители, правилам Церкви, не преступая законов и не впадая в праздность.

2. Пусть не будет в твоей жизни места лени, ненависти, противоборству, воровству, обману, обжорству, но будет только мирное пребывание в добродетелях.

3. Не имей (*здесь начинаются повелительные обращения. – А.Ш.*) личной собственности, никаких ценностей, не жалуйся, не обижай ближнего, не гордись и не раздражайся.

4. Не своевольничай, не замыкайся на своих интересах, не преследуй другого. Не злись и не угрожай ненавистью.

5. Не проявляй малодушия, не лги, не ищи себе пустой компании, не впадай в отчаяние или лживую болтливость.

6. Не будь пустомелей и выдумщиком. Не кажись сверхдеятельным. Не стань рабом обжорства, пьянства. И пусть глупая болтовня не станет твоим пожизненным спутником.

7. Переноси со смирением все испытания. Обязанности свои исполняй без промедления, ничего не откладывая на потом. Никогда не воздавай злом за зло, покуда живёшь в этом тленном мире.

8. Выказывай радость и смирение, встретив друга и чужака. К любому человеку будь приветлив и сочувственен.

9. Живи в совершенной бедности. Не завидуй, не твори неправды. Ожидай своей награды, если прославят твои мощи, после смерти.

10. Будь кроток, умерен и уравновешен, исполняя свои обязанности. Принимайся за любое дело, даже если оно не кажется тебе приятным. Терпи и будь прилежен.

11. Будь кроток, сдержан и прямодушен, общайся со всеми. И непрестанно обращайся ко Христу: «Господи, помоги!».

12. Всегда провозглашай истину и порицай любое зло. Часто и честно исповедуйся перед твоим аббатом.

13. Царь Небес достоин любого нашего деяния, тщательно исполненного нашими руками, глазами, ногами, ушами, устами и сердцем.

14. Давайте *(новое изменения наклонения. – А.Ш.)* иметь память смертного дня. Давайте страшиться вечных мук, которые могут выпасть нам, как посмертный жребий.

15. Давайте с радостью будем принимать мучения, пытки; станем терпеть и помнить, что целый сонм мучеников ждёт нас на небе.

16. Давайте будем почитать старших, слушаясь их воли, и наставлять юнцов с любовью к их же пользе.

17. Будем молиться за наших соплеменников, любящих нас *(то есть монахов обители. – А.Ш.)*, чтобы они не впали в соблазн и не изменили своему Создателю в пользу осуждённого и тёмного демона (damned and obdurate demon).

18. Давайте прощать всех, кто обидел, задел нас словом или делом, ибо таков завет Святой Церкви.

19. Такова заповедь Бога: любить ненавидящих нас в этом мире, отвечая добром на любое зло.

Обязанности *Céli Dé*

1. Если мы живём монашеской жизнью (*члены общины Céli Dé могли не принимать непосредственно монашеский постриг, но их жизнь осуществлялась по уложениям монастыря. - А.Ш.*), что уже само великое призвание, то возьмём себе за правило молиться в храме каждый канонический час (canonical hour).

2. Когда мы слышим малый колокол, то поспешим поднять наши сердца горé и обратить лица долу.

3. Мы единожды поём «Отче наш», единожды славу, осеняем свою грудь знаком Креста Христова, дабы не сокрушиться перед злыми силами.

4. Подходя к Церкви, мы трижды склоняем колена. Мы преклоняем колена только в воскресный день (*испорченное место текста. - А.Ш.*).

5. Мы совершаем празднования, учим без уныния и страданий. Велик Тот, к Кому мы взываем: Господь небесных облаков (*Такое ирландское поэтическое обращение: "The Lord of the cloudy heavens". - А.Ш.*).

6. Мы созерцаем, читаем и молимся, каждый по мере имеющихся у него сил. До третьего часа нам предписано созерцать небесную славу.

7. С третьего по девятый час каждая группа общины отправляется исполнять предписанные ей послушания.

8. Те, кто из нас священники, отправляются совершать мессу и молитвословия, как кому установлено. Учителя идут учить, согласно своим обязанностям.

9. Юные должны выполнять свои послушания, поскольку это их обязанность, ибо тот, кто пребывает в праздности, покоряется дьяволу.

10. Работа должна совершаться под руководством достойного монаха. «Пусть в головах необученных будут звучать слова мудрости, а их руки отяжелеют от труда.

11. Пусть каждая группа (Céli Dé) совершает каноническое последование часов, перед которым и после совершит по три коленопреклонения.

12. Молчание, при внутреннем горении, строгость и сдержанность, без лицемерия и лжи, молитва без всякого завывания (no murmuring) и напряжения (голоса) – вот что ожидается от каждого из вас.

Всё, что касается порядка в трапезной, и о еде

1. Вот порядок относительно трапезной, который устраивается аббатом в трапезной наилучшим образом. О нём следует помнить.

2. Специальное распоряжение для трапезной: когда необходимо оставлять запас еды для работников монастыря (*кормили не только монахов, но и приглашённых рабочих.* – А.Ш.)

3. Пусть к старикам, что из-за немощей не могут добраться до трапезной, никто не относится пренебрежительно.

(Возможно, им относили пищу отдельно, но специально это не оговорено. – А.Ш.)

4. Всякий человек и всякое место, на которое он поставлен, имеет свои особые требования. Это касается и того, кто отвечает за распределения количества пищи. *(Видимо, речь идёт о должности эконома, контролировавшего трапезу. – А.Ш.)*

5. Пусть в день воскресный порядок трапезы будет особо соблюдаем изза Царя, Который освятил этот день. Также будем почитать праздник апостола, мученика и преподобного.

6. Праздничные бдения (Vigils) должны быть распределены так, чтобы братия могли спокойно отдыхать, имея большой запас провизии, начиная с ночи Великого Рождества до Рождества Звезды *(то есть Богоявления. – А.Ш.)*.

7. Праздник Царя Истины, независимо от того, на какое время (года) он попадает, должен быть достойно отмечен *(Возможно, речь идёт о праздновании воскресных дней Великого Поста. – А.Ш.)*.

8. Во время Великого Поста нельзя ничего вкушать, словно бы это последний твой день на земле *(Утраченный фрагмент. Речь идёт о каком-то дне Страстной Седмицы. – А.Ш.)*.

9. Я не благословляю вас поститься в воскресные дни, даже если они приходится на время великих постов, из-за почтения к Господу.

10. В дни Великой и славной Пасхи среди вас должна быть радость и миролюбие. Каждый день от Пасхи до Троицы должен быть как сама Пасха.

11. Пасхальные дни, словно это вход в преддверие вечной жизни, должны быть лишены тяжёлой работы, бдения и постов.

12. В день великого апостола или мученика, если он совершается Великим Постом, мы празднуем так, словно это проблеск благодати, даруемой в вечной жизни.

13. Два постных дня в седмице должны достойно совершаться всеми, кто имеет на это силы.

14. Летние и зимние посты, сколь трудными они ни казались бы, должны соблюдаться и мирянами, что обычно не постятся.

15. Для клириков, что ведут высокую духовную жизнь, все времена года хороши для поста и покаяния.

16. Тот пост достоин похвалы, что сдерживает движения плоти и совершается от ноны к ноне (*from none to none*, «от девятого часа до девятого часа следующего дня» – т. е. речь идёт о круглосуточном посте, перед совершением мессы. И эта практика известна нам с незапамятных времён. – А.Ш.).

17. Трёхдневный пост каждый квартал года следует устанавливать для тех, кто не постился в течение месяца.

18. Со дня Рождества Крестителя до Пасхи Христовой пусть они (*здесь речь идёт о монахах. – А.Ш.*) едят только по вечерам.

19. С Пасхи до Рождества Иоанна Крестителя пусть обедают и ужинают.

20. Когда колокол трапезной пробьёт, пусть все братья, что услышат его, ответят на призыв (*то есть отправятся в трапезную. – А.Ш.*).

21. Не должно быть суеты, мельтешения на их дороге. Пусть каждый монах не спеша и в одиночестве идёт в трапезную.

22. Когда они войдут в трапезную, то пусть совершат должное для тела (*Видимо, речь идёт об омовении рук и т.п. – А.Ш.*). Пусть они единожды поют «Отче» и совершат три земных поклона (распрострутся на земле).

23. Затем они поют «Аллилуйя», благословляют пищу и садятся за стол.

24. Старший возгласит: «Господь с вами». После чего все пьют, едят, воздавая благодарение.

25. Если кто-то хочет что-то себе выбрать (из пищи), то пусть ему это дадут отдельно.

26. Пусть помощь, когда требуется, будет оказана с надлежащей тщательностью, но если она не требуется – следует отказать.

27. После еды каждый должен вернуться к себе в келью и благодарить там Небесного Царя.

28. Позднее братья отправляются на вечерню, что совершается благочестиво, а уже потом уходят спать.

29. Достоин похвалы тот, кто, прежде чем отправиться для совершения молитв, благословит свой дом во всех его сторонах, тщательно, ничего не пропустив.

30. Молись Богу за каждого, кто служит Церкви Христовой, и за всех христиан в этом мире.

Обязанности Князя (Короля)

1. Если ты правитель, то будь достоин своего призвания и не согрешай несправедливостью. Помни, что Поставивший тебя над людьми – Святой Господь Небесный.

2. Не будь грубым, досаждающим, скорым на расправу, но исполнись страха перед Всемогущим и Всесильным, поставившим тебя к служению твоему.

3. Богатство, что собрал и накопил, если не пребудешь в послушании Господу, скоро потеряешь, и останутся лишь боль и мучения у тебя.

(Интересно, что далее автор «Устава», завершив указания, вступает на деликатное поле общих рассуждений о природе власти и её духовной ответственности перед людьми. – А.Ш.).

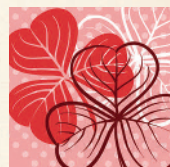
4. Падение великого князя на этой земле свершалось тогда, когда ложь начинали выдавать за истину.

5. Через коварство и обман князей рушился мир между Церковью и мирянами страны.

6. Все знают, что через княжеские гордость и высокомерие приходят беды и разорение. Зерно, молоко и плоды оскудевают из-за их бесчестия.

7. Чума, разрушающая мир, приходит, когда они впадают в грех и бесчестят своё звание. И враги тогда овладевают страной.

8. Через княжеское беззаконие от тёмных злых небес обрушиваются штормы, словно всякая чума, хворь и болезни, что поражают множество людей.

Устав святого Мочуту

Собор святого
Мочуту.
XII век.
Лисмор, Ирландия

Об уставе
святого
Аилбе

Фрагменты церковных построек X века.
Фалмор, Северо-западное побережье Ирландии.
Фото автора

...Бог одобряет и благосклонно
приемлет нашу взаимную любовь
и благодушие друг к другу.

*Св. Иоанн Златоуст
(Гомилия на I Тим.)*

О кельтских святых, средневековых монахах-поведниках, рассуждали многие писатели, историки и поэты. Ж.-Л. Гофф называл их “факелоносцами Средневековья”, Г.К. Честертон – “движущимися свечами, спасшими Европу от варварства”, а Шеймас Хини лучшие свои стихи посвятил центрам кельтского христианства в Ирландии: Глендалоху и Клонмакнойзу.

В суровые столетия Хлодвига, Брунхильды и лангобардов иро-кельты вышли на перепутья Европы. В их заплечных мешках, кроме хлеба, воды, литургических Чаш и прочего, хранились рукописные копии Священного Писания, посланий Отцов Церкви. Они бродили по дорогам, тропинкам, сплавливались реками, поднимались в Швейцарские Альпы, основывали монастыри на берегах франкских и германских озёр. На базарных площадях городов западной части Священной Империи

в качестве “товара” они предлагали мудрость. За этим занятием их однажды застал Карл Великий. Его симпатии к тому моменту были уже на стороне другой отрасли европейского монашества. Император предпочёл своих, континентальных, монахов-бенедиктинцев. О жизни, более даже чудесах, святого Бенедикта (Венедикта) Нурсийского (память его в нашем календаре 27 марта) мы знаем по “Диалогам” святого Григория Двоеслова, папы римского. В качестве главного учителя и покровителя западного иночества Карлом был избран именно он, а “бенедиктинский” устав стал образцом для прочих церковных уложений. Личность святого Бенедикта восхищала всех последующих каролингов, а его “правила” вполне устраивали и Рим, и светскую власть.

“Факелonosцы” уже были не просто не нужны, но раздражали. Их начали глухо недолюбливать, отказывали в гостеприимстве, а то и просто выставляли. И кельты, и бенедиктинцы читали одно и то же Священное Писание, те и другие имели прямые, а иногда сложные, косвенные связи с египетскими и сирийскими пустынножителями IV–V вв. Но ирландцы, благодаря своей островной, до-викингской специфической общинной жизни и широкой церковной автономии, сохраняли черты собственного благочестия, быта и христианского смирения. То есть иро-кельты в своей дальнезападной традиции совершили особый “колумбановский” путь. Их представления о христианских добродетелях, которые по определению: “иноки – свет миру”, в монашеском служении должны наиболее гармонично раскрываться, отразились в древних кельтских уставах. И если “Устав святого Бенедикта”, один из самых главных текстов средневековой цивилизации Запада, сотни раз комментировался, выдержал исследования как литературный, исторический, духовный памятник западной части христиан-

*Dysert O'Dea, Co. Clare. XII век.
Графство Клэр, Ирландия*

ской Церкви, – то документы кельтских общин сохранились небольшим числом.

Сравнивать уставы особой необходимости нет, во-первых, оттого, что в базовых, ключевых положениях они очень близки. И там, и там настойчиво повторяются увещания, касающиеся обетов послушания, смирения, целомудрия. Указывается на обязательность трудов, молитв и соблюдения постов различного вида. Используются общепринятые обороты церковной риторики средневековья.

И всё же, люди, их составлявшие, что очевидно, принадлежали различным традициям. Итак, святой Брендан приплывает на остров, где уже несколько десятилетий процветает община святого Аилбе. Он и его спутники, клонфертские монахи, становятся свидетелями чуда “огненной стрелы, возжигающей светильники в храме”, а также удивительно устроенной аскезы в этом затворе посреди океана. Община святого Аилбе – идеальное место, где собрано всё лучшее из присущего дальне-западному христианству. В “Плавании” сообщается только о “чудесных” деталях её жизни. Всё остальное – как бы вскользь, штрихами. Некоторый ключ к пониманию того, чему стал свидетель святой Брендан Мореплавателем, обнаруживается в документе: “Устав святого Аилбе” (Латинский оригинал: *The rule of Ailbe. Dublin, the Library of the*

Royal Irish Academy, 23 № 10; the same library, 23 p. 3. Опубликовано английский перевод: Hennessy and O' Looney in the Irish Ecclesiastical Record 8 (1871 г.) 178—180, and Joseph O' Neill in Eriu (1807) 92—115.

Общин, подобных основанной святым Аилбе на Северо-Западных островах Атлантики, было немало. В первые десятилетия и столетия, с V по VII век, эти монастыри «золотого века» кельтской святости существовали в сугубой как географической, так и политической изоляции. Монахи строили свои кельи из плетёных прутьев, обмазанных глиной, и грубого, необработанного камня. Сохранились постройки второго типа, подобные часовне в виде перевёрнутой лодки – Галларус на полуострове Дингл (Dingle) – и «кельи-ульи» на острове Скеллиг Майкл (Skellig Michael). Башни-библиотеки, высокие резные кресты с библейскими сценами на своих плоскостях, кресты, размещавшиеся по межевым границам обитателей – всё это достояние Большого Острова – Ирландии. В океанских пустынях переписчики или не работали, или то, что было ими изготовлено, сгинуло после набегов викингов, то есть с начала IX века. Велика вероятность и перемещения каких-то манускриптов с островов в монастыри, где их переписывали или частично компилировали.

Нет и прямых свидетельств того, что святой Брендан Мореплавателю, посетивший (согласно тексту «*Navigatio st. Brendani*», VIII—X вв.) общину святого Аилбе, однажды, в чреде своих многочисленных путешествий (а он бывал в Шотландии и Уэльсе), не пристал к скале святого Архистратига Михаила (Skellig Michael) в 8 милях от юго-западного побережья Керри (Co. Kerry, Ireland). Там, на Скеллиге, он мог повстречать анахоретов, живших в сухих, несмотря на атлантическую погоду, кельях. Увидеть их нехитрое, но довольно крепкое хозяйство

(на острове-скале даже держали коров), брать воду из именно «двух источников», молиться в небольшом храме и, главное, стать свидетелем устроенной по-особому правилу (уставу) монашеской жизни, черпавшей свои традиции из континентальных практик к моменту его посещения Скеллига.

Святой Брендан родился на том же побережье Керри, то есть относительно недалеко от Скеллига, в 485 году, а самое первое упоминание об острове-скале относится к 490 году. Здесь скрывался Дуах (Duach), король западного Мунстера (Munster) от преследований короля из Кэшела (Cashel). Предположительно на «зелёном Скеллиге» (вторая скала – «малый Скеллиг» – обитаема только птицами) монастырь был основан во второй половине VI века святым Фионаном (st. Fionán) из Глена (Glen, Ireland). Может быть, это тот же самый святой, что связан с почитанием Фионан в Келлсе (Kells) и в Исландии на озере Вотервилл (Watervill). В любом случае этот подвижник принадлежал к веку святого Колаамбы Айонского и святого Брендана.

Любопытно, что монахи из этой самой дальне-западной общины были известны в Ирландии. Так, инок по имени Суибни (Suibhni) упомянут в Мартирологии Таллагхта (о котором – в последней главе книги) как «почивший Суибни со Скеллига» под 790 годом. Ему даже установлена «память 28 апреля». Монастырь Талла (Таллагхт) – это в районе современного Дублина, на самом восточном побережье Ирландии.

В любом случае, этот остров – один из самых древних памятников Кельтской Церкви, молчаливый хранитель её традиций – даёт подсказки к пониманию внутренней логики и самого духа её монашеских уставов.

Любопытно, что существует не проверяемое и не опровергаемое предание, что на Скеллиг Майкл принял Святое

Скеллиг Майкл.
Остров-монастырь VII века

Крещение в 956 году Олаф Трюгвассон, отец святого Олафа – вечного короля и покровителя Норвегии.

Напомним: Святой Аилбе, согласно Анналам Ольстера (Annals of Ulster), скончался в 534 году. Сложно утверждать, был ли он лично составителем Устава или его записали со слов преподобного. В любом случае та рукопись, что находится в Брюсселе, датируется 750-м годом, и текст её – не латынь, а древнеирландский язык. Автор Устава не только монах, но и поэт, отчего сохраненный им документ имеет метрическую форму. Устав заучивали, как это делают с поэмами и балладами. Он был, что называется “на слуху”, звучал в голове инока, следовательно, необходимость постоянно справляться у старших, с тем или иным параграфом, отпадала, а любого рода неточности, дополнительные оттенки смысла и т.п. практически не существовали. При переводе на английский стихотворная ткань разрушилась, но содержательная часть сохранилась.

Устав (Текст) состоит из 56 пунктов и разделён на неравные части тремя формами изложения: С 1-ого по 18-й пункт – речь о монахе как члене общины идёт в 3-м лице: “...пусть он”. Публикуем выборочно наиболее интересные и значимые пункты.

3. Пусть он твёрдо стоит на земле. Пусть в нём не будет и тени слабости. Пусть принимает на себя ответственность за грехи каждого из братьев.

4. Улыбка его должна быть радостной, но он не должен громко смеяться. Ему нельзя быть мстительным, грубым и пафосным.

5. Ноги его должны быть всегда обуты, а одежда не должна иметь украшений, и пусть в ней не будет красных и синих цветов.

6. Пусть он никогда не вскармливает в себе ненависть к тем, кто его не любит.

9. Если ему случится унаследовать имение в миру, то пусть не любит своих мирских богатств... Питается от плодов возделываемой земли. Он не должен быть жёстким и жестоким. Это ему помешает оказаться на светлых небесах *(Так в оригинале. - А.Ш.)*.

12. Он не должен укорять и говорить со злостью в голосе. Нельзя раздражать своей речью другого человека. Он не должен вступать в беседу с мятущимся, гневающимся, и речь его должна оставаться смиренной.

13. Монах, который кроток и мягок, противен самому сатане. *(С пункта 18-го наклонение обращения меняется. Следуют уже не пожелания, а предписания как личного, так и общезначительного (киновийного) характера. - А.Ш.)*

21. Будь молчалив и миролюбив, для того чтобы вера принесла тебе плоды.

23. Никому из монахов, кроме как епископу или назначенному лицу, до 3-го часа нельзя ничего произносить вслух,

покуда нарушивший устав непослушанием не принесёт покаяния. (Т.е. пока не разрешится от наказания один из братий обители, все остальные молчат. – А.Ш.)

Монашеские кельи на острове Скеллиг Майкл

30. Пусть монахи, когда идут на трапезу, сами приносят себе воду из реки. Также хлеб, вино и сотовый мёд для старейших.

31 а. Пусть каждому даётся хлеб весом 30 унций (около 900 грамм). Съесть его следует в 9-й час (16.00), пока не утолится голод.

34. Повар в монастыре должен быть человеком добродушным, справедливым и сильным. Он должен молиться и при этом не забывать солить пищу. Есть можно свежее мясо, угря (не вообще рыбу, а именно морского угря. – А.Ш.) или свежее молоко.

35. Слабые монахи пусть получают за трапезой сухой хлеб и морскую капусту.

36. Пусть всё распределяется согласно старшинству, но и непослушных монахов нельзя обделять пищей.

37 а. В монастыре нельзя жить ни солдатам, ни женщинам, поскольку образ их жизни отнимает излишнее внимание монашествующих.

Каменный
крест
на острове
Скеллиг Майкл

38. С терпением и смирением должно принимать добрых, злых и богатых. Две трети источника благочестия заключено в молчании.

40. Монах никого не должен ни унижать, ни отвергать.

41. Пусть гостевой дом монастыря будет безупречно чист. Внутри должен быть хороший очаг. Гости должны иметь возможность омыть ноги, умыться лицом. У них пусть будет удобное ложе.

42. (А.Ш. - Это повтор, но тем не менее) Пусть в каждом монастыре будет приветливый повар.

43. Монастырь должен иметь набожного, искусного в монашеской жизни, настойчивого, сострадательного наставника, который умудрён в делах благочестивого жития.

44. Пусть монастырь имеет приветливого, мягкого в речи посланника, который не будет “носителем злых приливов” (то есть сдержанного, деликатного проповедника за сте-

нами обители. - А.Ш.).

Для Ирландии и её островных монастырей эта метафора удивительно точна. “Злые приливы” рокошущего океана разрушают дома, губят людей. Гневливость христиан, особенно монахов, размывает фундамент Церкви.

В 48-м пункте появляется местоимение “я”. За ним скрывается собственно автор Устава.

50. Я имею для вас предписание от Аилбе: Не просите милостыни! Это сатанинское искушение. Прося её, вы закрываете себе дорогу на небеса... Прошение милостыни мешает молитве.

52. Покуда вы в этой жизни, не покидайте монастырь, даже ради какого-либо дела.

56. Читайте и переписывайте эти заветы.

Тема уставов любопытна ещё и тем, что представления святого Аилбе о монашеском служении миру и Церкви, вплоть до XIII века, были известны на Руси, благодаря кельтской миссии в Киеве и на русском Северо-Западе.

Устав
Céli Dé -
христианская
аскеза северной
Атлантики

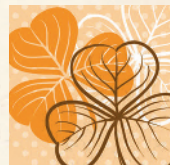
На наши берега, забытые во мраке,
Где волны Запада имеют свой предел,
С любовью пастырской
Ты посылал приливы
И Знамя Крестное, спасающее нас.
Святые и герои подвиг веры
Здесь совершали...

.....
Мы же имён тех славу понесём.

*Тимоти Риз,
епископ Лландафа
(Уэльс, 1940-е гг.)*

В истории загадочного кельтского христианства северо-западной средневековой Европы есть одна плохо прочитываемая страница её последних преднорманнских столетий, IX—XI вв., вписанная общинами «слуг Божьих» – монахами и мирянами Céli Dé (в русской транскрипции «кулди» или «кулдеи»).

Начиная с XVI века вокруг наследия этих кельтских общин, населявших Север Ирландии, Внешние Гебриды, Шотландию,

Оркнейские острова, велась горячая дискуссия среди англиканских реформаторов, пытавшихся разглядеть в кулди протопротестантские объединения и использовать авторитет «слуг Божьих» для антикатолических исследований и заявлений. Проблема в том, что набеги датчан-викингов, достигшие своего победного пика в IX веке, привели большое количество иро-скоттов кельтской церкви к

глухой самоизоляции, которую англикане-историки поспешили посчитать своеобразной внутренней реформой этих кельтских осколков Северо-Запада. Логичней всего было приписать им антиримские настроения и противостояние англо-саксонскому миссионерству Британии, но, повторю, слишком туманной представляется вся эта история.

Лев Платонович Карсавин писал: «Ирландские монахи, сосредоточенные энтузиасты отречения от мира, пламенные пустынники и самоотверженные миссионеры... гибнут в пламени своих же монастырей, сжигаемых северными варварами, или в пучине морской во время дальних странствий. Но на место погибших приходят новые и бестрепетно возобновляют трудную и долгую работу... сжигаемые аскетическим порывом ирландцы не отвернулись от галло-римской культуры... в монастырях Англии, Ирландии, а потом и Шотландии находит себе приют римская образованность...». Кулди как раз и есть одни из тех «новых», нашедших относительную безопасность в дальних «скитах» Северо-Запада.

Письменных литургических духовных памятников практически не сохранилось. Высокие каменные кресты, обнаруженные на территориях, где подвизались кулди, могли принадлежать как коламбовскому (святой Коламба Айонский) влиянию Айоны, так и кутберовскому (святой Кутберт) – Линдисфарна. Рим ничего относительно «слуг Божьих» не заявлял: или не замечал их,

Каменный
крест.
Монастырь
святого
Диармайда
(St. Diarmaid).
IX век

Чудо умножения
хлебов и рыб.
Фрагмент
каменной резьбы
на подножии
креста.
Монастербойзе
(Monasterbois)

или раздражённо отмалчивался. А они жили без малого 200-250 лет, и строили свои школы, и молились как в общинах, в основном монашеских, так и в различных «затворах». Море – тоже пустыня, с оазисами островов. Некоторое представление о жизни этих кельтов-христиан можно попробовать составить, изучая сохранившиеся документы, прежде всего те, что, опираясь на Священное Писание, Предание и кельтские национальные традиции, управляли жизнью этих общин и выстраивали сложный аскетический быт средневековых иноков северо-запада Европы.

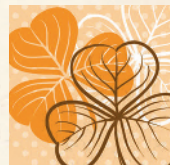
Один из сохранившихся «Уставов» общин кулдеев находится в Королевской Академии Ирландии (The Royal Irish Academy) в так называемом манускрипте Лебор Брекк (Lebor Brecc, ff. 9–12). Его перевод на английский опубликован в 24 томе (С. 202–215) Королевской Академии Ирландии в 1837 году. Он является прозаической версией древнего метрического (стихотворного) оригинала устава Картага (Cartage). Одни исследователи (William Reeves) датируют его XII веком, другие (John Strachan) считают, что составление устава слуг Божьих можно отнести к IX веку.

Сам по себе документ производит удивительное впечатление из-за мозаичности суждений, предписаний, нравственных и житейских поучений, духовных и практических рекомендаций, пищевых, гигиенических уложений, время от времени снабжаемых поэтическими восклицаниями и вероучительными отступлениями. Это яркий и чрезвычайно живой средневековый документ ирландского христианства, который, воссоздай его в первоначальной метрике, пропевался бы как баллада, декламировался словно сага.

Вниманию читателей мы предлагаем его сокращённый вариант, так сказать, «избранное» – то, что представляет живой интерес для истории Церкви и будет любопытно исследователю кельтского христианства.

Монастырь святого Кевина.
Глендалох, Ирландия

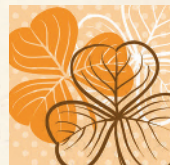
› В праздничные дни монахи Céili Dé (далее – «кулди») не получают добавочной порции хлеба, но количество воды, трав и приправ можно увеличить (*Далее в тексте неоднократно используется термин «селанн» (selann) – ирландская мера объёма, равная весу 4-х яиц, то есть 210 граммам. – А.Ш.*).

› В дни Великого Поста, даже если нет специального запрета, монах не должен вкушать больше 8 селаннов (1,7 кг.) пищи в день. Это же касается и будней, кроме дня святого Патрика, если он выпадает на вторник или пятницу.

› Свежее молоко следует смешивать обязательно с мёдом.

› Травы из огорода используются в качестве приправы, и их количество не имеет отношения к порции хлеба. Они подаются отдельно. Но к маслу это правило не относится.

› Количество хлеба не должно сокращаться, если на трапезу даётся кусок рыбы или малое количество творога, сыра, сваренное вкрутую яйцо или яблоки.

› Нельзя всё перечисленное предлагать сразу и вместе. Если, например, яблоки крупного размера, то достаточно их будет 5-6 плодов с хлебом. Мелких можно принести и

12. Лук-порей предлагается в количестве 3-4 головок, но с ним нельзя есть творог и сыворотку, которые вообще лучше хранить для приготовления сыра.

› Творог для монахов готовить следует без сычужного фермента, и его количество на трапезе приравнивается к позволенному количеству хлеба.

› Сладкая, чистая сычужная сыворотка никогда не выпивается сама по себе. Её следует разбавлять грутином (*grutin* – «лёгкая» фракция творожной массы, остающаяся после сцеживания плотной. – А.Ш.).

› В День Святой Пасхи разрешается есть яйца, сало с мясом дикого оленя или кабана.

› При великой скудности и бедности стола дозволено употребление мяса и Великим Постом, но если жизнь монаха не подвергается опасности, то лучше воздержаться.

› Если к трапезе не нашлось свежего молока, то можно подать братии по чашке сыворотки или пива.

› Готовится на трапезу для всех жидкая овсяная каша. Она подаётся в общем большом котле, монахи же должны брать из него сами, понемногу, лучше $\frac{1}{4}$ порции.

› Свежее молоко, если нет ничего другого, подаётся на стол, но $\frac{1}{4}$ часть воды следует добавлять в каждую порцию.

› Селанн нельзя готовить в Четверг, но у монахов на этот день должен быть сделан запас свежего молока, неболь-

шого количества пива и медовых сот. Пиво не следует пить большими глотками, даже если мучает жажда. Большие глотки лишь возбуждают её. Пейте пиво маленькими глотками из небольших чашек.

Богослужebные установления, литургические и молитвенные практики общин кулди, ввиду скудности реальной информации, а не историографических фантазий англиканских исследователей, комментировать сложно и порой возможным не представляется вовсе. Населявшие глухие, дальние земли «слуги Божьи» сталкивались с языческим укладом жизни пиктов, ранее проживавших на островах, и других кельтов, принадлежавших, к тому же, различным, как правило, враждующим кланам, были вынуждены выстраивать собственные церковные традиции, впитывая местный колорит, нивелируя культурные и юридические предпочтения дальне-западных островитян. Христианские центры Европы располагались от них очень далеко, так что кулди обходились без всяческой редакции своих практик.

› Если монах не причастился в воскресный день, он должен сделать это в четверг, не ожидая следующего воскресенья, поскольку для привыкших к еженедельному причащению такой интервал слишком велик.

› Крестным Знаменем необходимо осенять четыре стороны света, небо и землю под ногами, когда покидаешь келью.

› При пении псалмов следует поочерёдно сидеть и стоять, поскольку если только сидишь, то можешь впасть в сон, а если стоишь – упасть от усталости.

› Когда в праздник за кого-то возносятся молитвы или прошение, то необходимо использовать его крещальное имя

Крест в обители
святого Мулина
(St. Mullin. Co.
Kilkenny). IX век

(Ирландская традиция сохранения двух имён – кланового, древнего, и христианского – жива до сих пор. – А.Ш.).

› Человек, который никогда не вкушает мяса, в Пасху должен непременно съесть кусочек чего-нибудь вкусного, дабы избежать голода или нищеты в течение целого года, до следующей Пасхи *(Это положение, как и два нижеследующих, можно считать отзвуком преодоления местных суеверных представлений. – А.Ш.).*

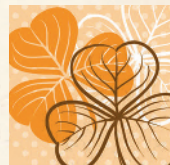
› Вся пища, которая остаётся в доме после смерти его хозяина, должна быть освящена и разделена между бедными. Её нельзя вкушать там, даже если умерший будет прославляем как святой человек.

› Если беременная женщина тяжело заболит и окажется на грани смерти, то необходимо сделать следующее. Священник должен будет прочитать нужные молитвы над небольшим количеством воды. Затем эту воду следует возлить на чрево беременной, над головой плода, который она носит, и произвести наречение имени ребёнку: Фланн

(Flann) или Келлах (Cellach). После этого мать должна выпить оставшуюся освящённую воду, так чтобы она уже изнутри пролилась на её плод (Фланн и Келлах – это универсальные имена, дающиеся как женщинам, так и мужчинам, без обязательных для русского языка падежных окончаний, подтверждающих пол упоминаемого человека. Например: Евгений – Евгения О’Рейли, но Фланн – Фланн О’Рейли. – А.Ш.).

› Продукты, собранные до воскресного дня, нельзя употреблять в пищу, их следует разделить между бедными.

› В Святой Четверг совершается омовение ног.

› Стрижка (тонзуирование, выбривание макушки головы) монахов должна совершаться в первый четверг каждого месяца.

› Молитва, труд и чтение – обязанности монаха.

› В Ирландии есть четыре вида преступления, покаяние за которые не могут быть приняты на исповеди священником.

1. Сексуальные действия над умершей женщиной (некрофилия).

2. Плотская связь между кровными родственниками (инцест).

3. Преступления против епископов, монахов, священников.

4. Ересь и внутрицерковные дразги (*Скорее всего, речь идёт не о вероучительных, а о практических, ритуальных расхождениих и дисциплинарных конфликтах в общине. – А.Ш.*).

Жизнь средневековых христианских общин строилась вокруг Церкви, но в различных частях Европы несхожим образом. Это отражалось не только в вышеприведённых знаках почтения к священнослужителям, но и в ряде специфических требований, определений.

› Любой епископ, рукополагающий в священный сан человека, который неспособен наставлять народ в благочестии, духовности, не знает Писания, законов Церкви, не умеет читать, не может врачевать души, затемнённые грехом, – согрешает. Такой епископ является врагом Бога и людей. Он наносит обиду самому Христу и Его Церкви. За совершённое епископ должен нести покаяние в течение шести лет и выплатить

семь кумхалов (cumhal) золотом в знак вины, для прощения в очах Господа.

(1 кумхал равен цене 3-х дойных коров, то есть рукоположивший безграмотного, ограниченного человека в священный сан, должен шесть лет пребывать в покаянии и выплатить штраф как за стадо из 21-й дойной коровы. - А.Ш.)

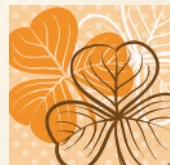
› Епископ обязан рукополагать в сан, освящать храмы, духовно наставлять правителей и священников, благословлять их семьи после крещения, проявлять заботу о каждом немощном в любой из общин, организовывать учение мальчиков и девочек в благочестии и мудрости.

Отношение кулдеев к образованию детей подлинно трепетное для всей Кельтской Церкви Британских островов. Восхищает не декларативный, а практический подход к этим вопросам. Учили в монастырских школах, начиная со времён святого Патрика, но у «слуг Божьих» любопытным представляется «прописанность деталей».

› Любой отец, отдающий Господу десятину в виде плода своего тела – сына, для его обучения обновляет Церковь Ирландии и на её земле возрождает Христову веру, которая, увы, угасла. Тот же, кто отзывает своего сына обратно домой, похищает таким образом его у Бога, Патрика и отделяет земную Церковь от небесной.

› Если юность сама не льнёт к источнику учения и мудрости, то не Христова вера, а мрачное тёмное язычество будет править на земле Ирландии.

› Человек, учитель, с которым юноша, посвящённый Богу и Патрику, проходит обучение, уже при своей земной жиз-

ни должен получать награды от Бога и людей. Если отрок знает наизусть 150 псалмов, гимны, песнопения церковных служб, умеет читать, то учитель получает дойную корову. Далее он обучает своего подопечного, если тот готовится принимать священнический сан, правилам совершения таинства крещения, литургике, молитвам за живых и мёртвых и всему необходимому для служения в Церкви. За это ежегодно ему положено отдавать телёнка, поросёнка, три мешка молотой муки, мешок зерна и запас необходимой одежды. Дойная корова должна быть вручена сразу же, как только ученик усвоит псалмы (*Награда за промежуточный экзамен. – А.Ш.*). Остаток же выплачивается по мере обучения.

› Монахи не должны спать в храме. Они разделяются. Одни поют ночью псалмы, другие в это время отдыхают в келиях. После чего положено им меняться местами.

› Запрещается пить что-либо после вечерней службы.

› Тот, кто исповедовался своему духовному отцу, не должен каяться перед другим священником.

› Если монах злится на своего брата-послушника, оскорбляет его, то к вечеру этого дня он должен получить сто ударов палки по ладони и остаться без хлеба и воды.

› Диакониссы и монахини должны получать пищу перед бдениями и молитвами у Крестов. Во время месячных им разрешено вкушение мясного бульона, и этому требуется уделять надлежащее внимание.

Подводя некоторый итог чтения даже тех незначительных извлечений из Устава Céili Dé, что представлены здесь, можно восхититься взвешенностью, продуманностью деталей документа, регулирующего жизнь этих христианских общин Северо-Запада, его евангельским духом и специфичной кельтской аскезой.

SUMMARY

Celtic Ruins is the first Russian-language collection of the following early Irish monastic texts: “The Rule of the Céli Dé,” “The Rule of St. Ailbe of Emly,” “The Rule of St. Mo Chutu of Lismore” (or St. Carthach), and “The Rule of St. Máel Ruain.” The translation was prepared by Prof. Dr. Yury Varzonin (Tver State University) and adapted by the volume editor, Rev. Alexander Shabanov. Each text is prefaced with a commentary, by Rev. Alexander Shabanov. History and main features of Celtic Christianity are discussed in the “Introduction” by Igor Pokrovsky.

Recommended to all interested in early Church history, monasticism, and contemporary Russian Orthodox Christianity.

Sergei Kozin

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей

с. 3

Предисловие

с. 7

Устав святого
Маэдруайна из Таллагхта

с. 31

Устав святого Мочуту
(святого Кортага)

с. 75

Об уставе святого Аилбе

с. 103

Устав Céli Dé –
христианская аскеза
северной Атлантики

с. 117

Научно-популярное издание

КЕЛЬТСКОЕ МОНАШЕСТВО.
УСТАВЫ ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ ЦЕРКВИ

Возрастная маркировка в соответствии
с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ:
0+

На русском языке публикуется впервые

Перевод Ю.Н. Варзони́на

Литературный редактор *Шабанов А.Ю., протоиерей*
Редактор *О. А. Платонова*
Дизайн обложки и вёрстка *Д. П. Рыжова*

Формат 70*84/16
Гарнитура Georgia. Усл. печ. л. 8,99

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.